

ДБ 84(2 фое-рче) 6-4
x55
Г.Н. Хлебников

Автограф
автора

Кому строить дом?

2003г.

8B84(2Poc = Рус)6-7
X 55

Хлебников Г.Н.

Посвящается славному коллективу
Строительного Управления № 253,
заложившего первые жилые кварталы
Комсомольска-на-Амуре и продолжающего
строить и украшать его.

183313X

В

«Кому строить дом?»

размышления бригадира
(документальная повесть)

Б. Работкин
и
В. Хлебников
«Кому строить дом?»
документальная повесть
о бригаде
красноцветов
и замесит
е. и. и. и. и. и.
на память
Г.Н. Хлебников
29.1.84

2003 год

Комсомольск-на-Амуре

Комсомольск н/А
МУК ГЦБ
Хабаровский край

Хлебников Г.Н.

«Кому строить дом?» - документальная повесть

Геннадий Николаевич Хлебников - автор, первостроитель, почетный гражданин города Комсомольска-на-Амуре, член Союза писателей России, в своих произведениях рассказывает о героическом труде строителей Комсомольска, о своих товарищах, с которыми испытал все трудности созидания в безлюдной тайне современного города высокой культуры, с первоклассной и индустрией, недавно отметившего свое 70-летие.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

С глубоким интересом прочитал я повесть «Кому строить дом? Т.Н. Хлебникова, одним из центральных героев которого автор поставил меня, бригадира каменщиков М.И. Куликова.

Я знаком с Г. Хлебниковым почти сорок лет, с того дня, как после ФЗО стал работать в бригаде прославленного каменщика Комсомольска-на-Амуре Н.П. Щеглова. С той поры наше знакомство, а потом и дружба, не прерывается до сих пор. Я горжусь этой дружбой с человеком, который закладывал первые камни моего города.

Все, что сказано в повести, не вызывает у меня возражения и я согласен оставаться в повести под своим действительным именем. Я понимаю законы жанра документальной повести, которые диктовали автору нужные условия подачи материала, известную долю домысла художественную, основанного на реалиях жизни. Это правдивая беллетризация моей биографии, биографии моих товарищей. В таком случае допустимы вымышленные имена других героев повести, некоторые ситуации. Но сделано это все так реально и правдиво, что неотличимо от тех ситуаций, которые возникают в повседневной жизни стройки, моей бригады.

Прочитав повесть, я искренно сказал Геннадию Николаевичу: «Молодец! Ты написал хорошую книгу о рабочем человеке, его мыслях о жизни».

Словом, книга получилась правдивая и полезная. Полезная прежде всего молодым читателям, молодым рабочим. Она учит молодежь мыслить по государственному, не бояться труда, подсказывает, как надо относиться к делу, долгу, к товарищам, как воспитывать себя.

Хотелось бы, чтобы наше издательство больше выпускало книг о рабочем классе, его месте, месте рабочего в преобразовании всей нашей жизни.

/Куликов М.И./
бригадир каменщиков

9.10.87г.

КУЛИКОВ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

1.СТУПЕНИ

Сегодня с утра мысли мои о мастерах моих старых. Петр Иванович Мальков и Сергей Семенович Епихов объявили: уходят на пенсию. Так вот кем их заменишь? Вопрос, ох, какой непростой. Вроде и готов я давно был к уходу моих товарищей, а вот расстроился, сердце ноет. Как-никах сорок лет бок о бок вместе дома строили. Это чего-нибудь да стоит. Целую жизнь, почитай, вместе. Мы еще все трое в бригаде Большого мастера трудились. А лет тридцать назад, когда Большой Мастер рекомендовал меня вожаком в новую бригаду, то отпустил ко мне Епихова и Малькова. Заметил при этом: "Каждый троих стоит." Да, мастера знатные. И вот уходят, как принято говорить, на заслуженный отдых. Уж эти мужики по всем статьям заслужили. Нет, кажется в городе улицы, где бы они не строили. Я каждый раз душевно переживаю, когда кто-нибудь покидает бригаду. Ведь бригада - это же семья, если, конечно, бригада настоящая, спаянная, скрепленная духовной общностью, гордостью настоящих мастеров. В гордости этой самое главное - сознание: "Такой дом только нашей бригаде под силу построить. Уж если бригада Михаила Куликова строила, качество отличное. А вы как думали?!" Не скрою, приятно мне, когда подслушаю такой разговор ребят своих. Приятно мне: не поденщики они. Зовемся мы сейчас каменщики-монтажники. Слово монтажник не так давно к нашему титулу прибавили. Наверно для престижности, как называют, например, ныне доярок операторами машинного доения. Может для молодых рабочих звание с приставкой предпочтительнее.

А по-моему мнению она мало работает на престижность. Каменщик есть каменщик, представитель самой почетной на земле профессии... Но я немного отвлекся... Итак, двое уходят, не шутка, замена нужна, и срочно. За окном синее. Жена Татьяна и дочка восьмиклассница Аня еще спят. Жене на работу во вторую, школьнице - тоже во вторую. Строим,строим школы, а ребяташки в две смены учатся... Одеваюсь потихоньку, чтобы не разбудить своих. Но, как всегда, жена просыпается, идет на кухню чай подогреть. Смотрит на меня пристально, говорит:

- Чего это ты хмурый сегодня?

- Захмуреешь, лучших каменщиков лишаюсь, - отвечаю. Таня молчит, молча сочувствует. Она всегда понимает меня без лишних слов. Научила долгая совместная жизнь. Мы всегда принимаем близко к сердцу свои производственные дела. А как же иначе? Трудом, производством жив человек.

Жена наливает мне чай, берется за письмо сына, полученное еще третьего дня. Еще и еще раз хочется ей почитать. Мать! Не раз еще письмо это будет вынуто из комода... Сын служит в морской пехоте в Приморье. Так уж получилось, что и я служил там, и тоже в морской пехоте. Жена, словно недавно научившаяся читать, беззвучно шепчет губами. Потом задумывается, смотрит в синее окно и спрашивает (уже не в первый раз):

- Миша, служить в морской пехоте трудно?
- Служить в любом роде войск трудно, мать, - отвечаю.
- Служба в армии - дело мужское, не легкое. Не один твой

Иван служит. Зато закалку получит.

- Закалку... - тихо повторяет жена, смотрит на меня обеспокоенными печальными глазами; И трогает, и злит сегодня меня эта материнская забота за чадо свое. Чадо-то вымахало, будь здоров! Крепкий малый. С третьего курса политехнического института взяли служить. Сейчас в армии неучей не держат, среднее, как минимум, давай. Трудно служить в морской пехоте? И то сказать, не легко... Но про то матери знать не обязательно. А почему бы и не знать? И не только матери, каждому гражданину, особенно молодому. Ведь армия нынче по-существу все время находится в боевой готовности. И вот мне что кажется странным: при упоминании слов морская пехота в воображении возникают не лица наших парней в военной форме, а самодеятельные тупые физиономии морских пехотинцев США, часто мелькающие на экранах наших телевизоров. Эти кадры взяты из американской кинохроники, а их операторы стараются поэффективнее подать своих морских пехотинцев, этих современных ландскнехтов, открыто называющих себя джентльменами удачи. Так что невольно, исподволь, нам демонстрируют ловкость заокеанских вояк. Такие готовы по приказу начальства глотку перегрызть отцу родному. Словом, супермены. А вот о наших ребятах в армии рассказывают мало и скупой, особенно о тех, кто в Афганистане воевал. Редко когда прокрутят ролик кинохроники,

и то о том, что солдаты домой письма пишут, да песни поют под гитару. Чем объяснить такую робость наших киношников? Может опасаются обвинения в излишней воинственности; мол, мы, советские люди, за мир ратуем всюду, а тут будем показывать ребят наших в военной форме. А я полагаю: надо показывать. Там, у границ наших вон какие военные игрища закатывают. Пугают. Надо показывать нашу армию и флот, готовность их защищать отечество от врагов. Разве у нас и врагов нет? Пре- достаточно, особенно битых. Те позлее новых...

Я вот эти мысли на бумаге изложил и в центральное телевидение послал. Может учтут мои замечания?.. О письме подумал, и начальника нашего планового отдела Чумакова вспомнил. До чего въедливый мужик! Политиком себя считает, а сам вроде чеховского унтера Пришибеева. Злой взгляд Чумаковских зеленых глаз, всезнающий такой, пронизывающий и осуждающий тебя загодя. А когда он кого-то осуждает, - а этим он занят почти всегда, - то с особой интонацией, с придыханием, значительным этаким, произносит слово, которым любят пользоваться старые номенклатурные работники: "Слушайте!" В этом слове всегда осуждение строгое, отеческое предупреждение о недопустимости вольнодумства и инициативы. Мне прямо-таки явственно вдруг послышался скрипучий голос Чумакова: "Товарищ Куликов. Ну куда тебя заносит, слушайте. Ну неужели там (многозначительно палец вверх...) меньше тебя понимают, что надо показывать, а что нельзя. Демагог ты, Куликов. Политически незрелый ты человек, Куликов, хотя и числишься в партии. Смотри, Куликов!"

Смотрю, товарищ Чумаков. Смотрю и верю только своим глазам, сердцу своему, совести. Чужими глазами на жизнь смотреть не хочу, не собираюсь, особенно чумаковскими. А ведь смотрел когда-то... А теперь не хочу, не буду! Ну до чего же железобетонный тип этот Чумаков! Да он ли один такой, к сожалению. Сколько еще их... Сейчас вроде неуютно Чумаковым, дико им, неловко, а потому активничают, громче всех вопят: "Мы за перестройку!" А за всей показухой - только страх теплого места лишиться, за бортом жизни остаться. Магическое "слушайте!" уже зачастую пробуксовывает. Раньше иному делеге номенклатурного поста вполне хватало. Есть пост - ты умен, все тебя слушают, подчиняются. Нынче поста мало, работать надо уметь,

соответствовать, голову на плечах иметь, людей надо уважать, уметь их слушать, учиться у них и учить их, если знаешь чему.

С завтраком покончено. Рассеянно слушаю Татьяну. Просит кое-что вечером купить в гастрономе. Выхожу на улицу. Если уж точно, на проспект Первостроителей. Проспект застроен девятиэтажными домами по пятьсот квартир каждый. Такой проспект один на весь Дальний Восток. Два дома (и тот, в котором живу) строила моя бригада. Осенью прошлой переселился я в новый дом. Я еще все удивляюсь простору и красоте проспекта. Радужно горят фонари в морозной мгле, поскрипывает снег под подошвами прохожих. В этот ранний час проспект оживлен: люди спешат на работу, бегут с портфелями и дипломатами школьники и студенты. Раздвинул свои кварталы город, пополнел народом. В иной день в толпе уличной знакомого не встретишь. А обо мне недавно писали в газете: "Бригадир Куликов, когда идет по улице родного города, еле успевает раскланиваться с земляками. Такова его известность". Приукрасил журналист. Даже в своем доме мало кто знает Куликова, и что его бригада строила этот дом...

Еще писал тот журналист, что Куликов целиком поглощен только производством. Об этом он, Куликов, печется денно и нощно. Вроде выходило и сплю я в спелке, готовый мчаться на стройку по первому зову. Чудак он, молодой журналист, хороший видать парень, но мало еще жизнь знающий. Хотя он не один так думает, да и его коллеги, чуть постарше. Старая выучка? Человек "винтик", человек робот... Но сегодня я вполне оправдываю утверждение молодого журналиста. Сегодня все мысли мои о строящемся доме, о том, что надо искать замену вновь испеченным пенсионерам. А где? Не бича с большой дороги, не бомжа, рабочего человека взять хочется. Заводской работник изо дня в день, годами, десятилетиями ходит на работу по одной и той же дороге, по излюбленной тропке, которая, если надо укоротить путь, может и по газону прозмеяться... Другое дело - строитель. У него в году иной раз два пути на работу сменяются: в начале года, например, я ходил в северную сторону, а вот в конце года держу курс на восток, к набережной Амура. Там строятся многоэтажные дома. Одни заселены, другие строятся. Здесь я и строю дом, скоро под крышу подведем стены.

Подошел к стройке, когда на востоке зарозовело небо и на фоне его показался щетинистый хребет правобережной сопки. На стройке тихо. В бытовке тепло, накурено. Ого! Пенсионеры мои, оказывается, уже тут как тут. Обычно-то я пораньше всех привык приходить, ну разве еще Степан Шаргородский, правая рука моя, а сегодня пенсионеры всех опередили. Понимаю их душевное состояние... Последние дни повышенная веселость у мужиков наблюдается, хорохорятся, шутят, а у самих наверно кошки сердце скребут.

- Привет, бригадир! - весело здороваются пенсионеры. Мальков подвигается на скамье, освобождая мне мес го.

- Стало быть на заслуженный, мужики? Может еще годик повкалываем? - говорю шутливо. Отводят глаза виновато. - Ладно уж, ребята (они для меня всегда ребята), идите, - разрешаю благосклонно. - Но почему вы, вот так, сразу вместе уходите. У тебя, Петро, кажется, полгода назад срок пенсии наступил?

- Точно. А мы с Сергеем давно уговорились: пойдем на пенсию - и на рыбалку махнем, - пояснил Мальков. - У Сергея на озере Хумми отличная землянка имеется. Поживем на природе, половим.

- Можно в тайгу на лисицу сбегать, - добавил скромный и тихий Сергей Епихов.

- А за браконьерство? - пугаю я.

- Лицензию возьмем, - заверил Епихов.

О веселых вещах говорят, улыбаются, бодрятся, а глаза у мужиков грустные. Бодрость, сразу видно, наигранная. Почему так? Да потому, что эти люди (прав в том молодой журналист) не мыслят нормальной жизни без ежедневного нелегкого каменщицкого труда, требующего кроме физических усилий, усилий ума, мастерства, которое приобретается годами труда творческого. Слово творческий я произношу не всуе, не потому, что его нынче запросто толкают куда надо и не надо. Любой хороший мастер - всегда творец, художник, поэт в своей профессии. И вот что любопытно: никому в голову, например, не приходит мысль сказать художнику, рисующему картины, и достигшему пенсионного возраста: "Бросай свои кисти, товарищ, краски бросай и отдыхай. Заслужил". Такого советчика поднимут на смех. А если дело касается каменщика, кузнеца, столяра или

другого мастерового, то считают почему-то, что они уж так рады наступлению дней ничегонеделанья. Неправда это! Переход на пенсию переживается ими тяжело, иногда трагически. Но если рука художника может держать кисть, то не под силу старому каменщику переняньчить сотни кирпичей за смену, не дюжат руки его, валится молот из опытных, но изработавшихся рук кузнеца. Дайте ему достойную работу, подильную, чтобы не зlobиться на мир, если духом ослаб от пустоты незаполненных дней. Как-то мои Мальков и Епихов справляются с "заслуженным", выдержат испытание отдыхом. Как справлюсь я? Ведь и мой срок не за горами... Не за горами... Я поднимаюсь по лестнице на седьмой этаж и чувствую, как после третьего тяжелеют, постепенно наливаются свинцом ноги. Мальков и Епихов тяжело топают сзади, стараются не отстать от бригадира, не подозревая, что ему самому подъемчик достается с трудом. Мальков подшучивает:

- Бывало козлом прыгаешь до пятого, хоть бы хны! А тут мандраже в коленках после третьего.

- А я вроде ничего, - бодрится Епихов.

Наверху потягивает с севера леденящий ветерок, заставляет отворачиваться, поправлять шарфы, ушанки. Лица у моих товарищей красные, задубелые от постоянного пребывания под открытым небом. Такое же лицо и у меня. Моя Анька, начитавшаяся книжек о приключениях, говорит, что я смахиваю на морского волка, такого бывалого капитана бригаантины, покорителя морей и океанов...

- Ничего себе домик вымахали, весь город виден, - не скрывая восхищения промолвил Епихов. Прав товарищ, первый такой строим. Мы молча, как зачарованные, смотрим на сверкающий огнями, как рождественская елка, город. Гирляндами огней намечены россыпи улиц, убегающих от берегов Амура до темных амурсталевакских сопок. И нет такой улицы, где бы мы все трое не строили какое-нибудь здание: жилой дом, детский сад, больницу, клуб, школу... А ведь когда я сразу после войны начал работать на стройке, большой части этих улиц даже на генеральном плане не существовало.

А произошло это зимой, в декабре, недалеко отсюда, где мы сейчас строим дом, метрах в двухстах. Вон ярко освещенная школа. Ее строили. Сюда я пришел ранним утром к Большому

Мастеру. Так звали в городе знаменитого каменщика, бригадира Николая Петровича Щеглова. Ростом не высок, но крепок, широкоплеч. На первый взгляд показался мне Большой Мастер человеком строгим. Сказал я Большому Мастеру:

- Возьмите меня в вашу бригаду. Каменщиком хочу стать.

- Каменщиком? - усмехнулся Большой Мастер. - А кто ты есть?

- Окончил ФЗО, на штукатура... - стараюсь говорить поубедительнее. - Но профессия каменщика мне больше нравится.

- Это почему же? - пытливо смотрит Большой Мастер.

- Не знаю... - смутился я. - Ну как сказать... Каменщик - мужская работа. А штукатурить и женщины могут.

- Ну, допустим, женщины и в моей бригаде есть. Работают - дай бог мужику иному... - Большой Мастер долго молчит, глядя на меня голубыми строгими глазами, словно хочет проникнуть в душу мою. Под этим пристальным взглядом я почувствовал себя совсем маленьким, глупым, таким бессильным воробышком. Вот они какие стоят, каменщики, такие надежные, крепкие, ненавязчиво прислушиваются к нашей беседе.

- Ты из каких мест будешь? - спросил бригадир.

- Тамбовский я, - говорю торопливо, смущаясь. - Деревенский... В Комсомольск с матерью приехал, к дяде, перво-строитель он. Отец на фронте погиб... Мать сюда... Кроме меня, четверо еще, малых...

- Выходит ты тамбовский волк, - усмехнулся бригадир. И, заметив, как загорелись мои глаза, добавил: - Да ты не обижайся. Шутка это. Меня вот смоленским рожком называют, смоленский я, смоляк. А вон Шаргородцев из Рязани...

- Косопузым кличут, - вставил под общий смех Шаргородцев. Принял меня в бригаду Большой Мастер. С испытательным сроком. Выдержу неделю, оставит у себя, нет - обратно в штукатуры. Выдержал я испытание.

Напоминаю сейчас друзьям своим, увы, уже пенсионерам, о своем начале. Смеются, оживляются, словно воспоминания снимают с плеч груз минувших десятилетий...

- Хорошо помню этот день, - говорит Епихов. - Ты в синей телогрейке был, солдатским ремнем подпоясан, на ногах постолы из автопокрышек. Делали тогда такие чоботы... Щуплый, один нос как у птицы торчит. Ну, думаю, такой наработает... На

кой он, малец, бригаде. А ты - взялся! Жилистый, тягущий оказался. Работник! Ну понятно дело, в деревне воспитывался, не по тротуару бегал...

Припоминал прошлое и Мальков. Говорили, перебивая друг друга. Каждая мелочь прожитого казалась нам такой милой и близкой, такой значительной. Воспоминания еще больше сближали нас, роднили. Тем грустнее мне думать о скором расставании с этими славными людьми.

А снизу нарастал гул голосов наших молодцев. Есть у нас в бригаде и две женщины. Уж лет по двадцать работают с нами, мужчинами, на равных - Мария Елешина и Галина Жаркова. Да как работают! Не каждый мужчина за ними угонится.

Первым из проема лестничной клетки показался наш групппрофорг Вася Волков. Ну что сказать о Васе? Еще когда в ПТУ учился, практику проходил в нашей бригаде. Училище окончил - к нам. Работал до армии. Служил в десантных войсках. После демобилизации снова к нам. В кандидаты партии вступил (я рекомендацию давал). Женился. Сын растет. Сохранились у него армейские привычки. Подтянут, дисциплинирован, часто говорит: "У нас в армии..." Что поручишь сделать, повторит обязательно, скажет "есть!" В бригаде молодежь старается подражать лихому десантнику Васе.

На прошлых выборах в профсоюзной группе мы единогласно избрали Васю своим вожаком. Мне, после Шаргородцева, верный во всех делах помощник.

Последним из проема показывается голова Туманова. Помятое невыразительное лицо, небрит, всегда воспаленные глаза. "От ветра", - говорит Туманов. "С похмелюги", - уточняет примодушный Вася Волков.

Волков хорошо поставленным голосом кричит:

- Товарищи, слушайте! И не говорите потом, что вы не слышали. Сегодня после смены собрание бригады.

- Повестка?

- Проводы наших ветеранов на заслуженный отдых. Второе: обсуждение Туманова. Опять прогулял. Будем решать, что делать с Тумановым.

- Надоел этот Туманов, - ворчит Мария, знает по печальному опыту, что такое пьющий муж в семье.

- Гнать его из бригады, к чертовой матери! - вторит ей Галина

- Без эмоций, товарищи, собрание еще не началось, - весело предостерегает Волков.

Давно заметил: как бы ни холодно было в зимнее утро, когда еще не совсем сошла с тебя ночная дрема, и в такую минуту особенно неприятен мороз, но стоит начать работать, и ты почувствуешь, как становится тебе теплее. Может от присутствия товарищей, занятых вместе с тобой одним делом, может от их шутки, острого словца, а то и откровенного недовольства, высказанного с дружеской незлой прямоотой. И спорится тогда дело, растут стены нового дома. Только слышно шорканье мастерков о кирпич и мягкое шлепанье дымящегося на морозе теплого раствора. И каждый занят своим делом на своей захватке. В такой слаженности и мне, бригадиру, можно поработать всласть, ложок, тычок, ложок, тычок... Ровно, навечно ложатся кирпичи в стену здания. В такой слаженности труда многих людей ты, бригадир, старший, чувствуешь себя вроде дирижером, и малейшее нарушение трудового ритма воспринимаешь как фальшивую ноту в оркестре. Вот и сейчас, послышались сердитые голоса за внутренней стеной. Потом в проеме дверей показался Волков. Указывая вверх рукой, крикнул недовольно:

- Михаил Иванович! В будке-то - никого!

В будке башенного крана было пусто. Машинист бродил внизу, разыскивая что-то на земле.

- Надо кирпич подавать, а он с крана слез, - сердится Волков

- В чем дело! - кричу вниз.

- Мотор греется, менять мотор надо, вяло откликнулся машинист крана.

Нет, решительно неудачный день сегодня! Этот разиня машинист уже несколько раз подводил бригаду. Просил заменить, ответили: кем? И еще советовали учить, воспитывать. Совет правильный, да не каждый воспитанию быстро поддается, тем более, если не свое дело делает.

Машинист потоптался на снегу и отправился в мастерскую. Наверно за новым мотором.

- Ну разве это не нехаевщина! - со злостью сказал Волков, неразборчиво пробормотав пару слов покрепче.

2. "НЕХАЕВЩИНА"

Однажды получил письмо от товарища из Амурской области.

Вместе служили действительную в морской пехоте в Приморье. Славный парень, настоящий кореш. Годы прошли после демобилизации, а друг друга не забывали, хотя и редко, но переписывались. А что в письме скажешь? Здравствуй,

до свиданья, как семья, дети? Многое ли скажешь в письме. И потому я с охотой принял предложение товарища приехать к нему в село летом. "Чем по курортам всяким мотаться, ты ко мне подгребай, - писал кореш. - Мы тут порыбачим на Архаре, с ружьишком в тайгу сбегаем. Поглядишь как соя растет? Жду, вообще, вся моя семья ждет".

Дома в селе, где жил товарищ, разбросаны подальневосточному, вольготно. Отыскивая нужный мне дом, я воспользовался информацией встречного старика. Взглянув на меня с хитрецей, местный Щукарь произнес; "Вона на том конце его дом, который соломой крыт... Один у нас такой, чтоб соломой..."

Я не придавал особого значения ни хитрому взгляду, ни иронической интонации старика, вспомнив о них только спустя некоторое время. А сейчас я стоял возле хатки товарища, сжатый его могучими объятиями, окруженный его обрадованными домочадцами. После долгой разлуки нам было чего вспомнить о днях молодости, прожитых вместе.

Гостеприимная семья окружила меня заботой и вниманием. Меня усиленно закармливали деревенскими деликатесами, знакомили с достопримечательностями сельского быта, сельского производства. Все мне было интересно, а внимание товарища и его семьи вызывало ответное чувство благодарности. Когда же схлынули первые восторги встречи с товарищем, я стал пристальнее приглядываться к его жизни, быту, желая в первую очередь установить: доволен ли товарищ своей жизнью, тем, чего достиг? Вроде бы должен быть доволен: материально обеспечен, работает на комбайне и тракторе, не на плохом счету. Жена тоже трудится в колхозе. Растут здоровыми три симпатичные дочки-погодки и постарше их - кудрявый сын. Ни на что не жалуется товарищ, не сетует, всегда улыбчив, доброжелательно глядит на мир веселыми голубыми глазами.

Тогда откуда у меня такое чувство, будто товарищ мой, вся его семья словно находятся в состоянии какого-то ожидания? Во многих деталях семейного их быта, чем больше вникаешь, ощущаешь дух временщительства, какой-то странной необязательности, неосновательности. Эти признаки я уловил в тот день, когда вечером меня укладывали на единственную в хатке узенькую железную кровать с тощим матрацем. "А вы где?" - забеспокоился я. "Ребята - на полу, а мы на чердаке поспим", - успокоил хозяин.

Утром хозяйка жарко топила плиту, потом сажала на ее прогретый под хлебы. Я высказал предположение, что русская печь куда способнее для этого дела. В разговор вмешался хозяин:

- Я когда этот домишко купил, переехал сюда, кирпич приобрел. Все не соберусь сложить печь...

- Времени нет, - поддержала хозяйка. - Было бы что печь, испечем, нехай с нею, русской печью.

- Нехай... - охотно согласился хозяин с широкой улыбкой.
- Десять лет так печем. А хлеб? То-то! Нехай пока плита... Как, дочки?

- Нехай, - с готовностью ответила младшая, любимица.

- Нехай, - повторила средняя.

"Нехай" молча произнесли старшая дочь и кудрявый сын, закрепляя мою догадку такой же, как у отца, широкой улыбкой. Что-то русское, размашистое было в этом единодушном мнении всех членов семьи, идущее от широты щедрой души, неиссякаемого оптимизма. И я даже застыдился того тайного неодобрения, которое возникло было у меня, когда я понял, как все же тяжело печь хлебы в тесной, непригодной для этого печурке.

Знакомясь потом с домом, я никак не мог заглушить в себе бодрого словца "нехай". Оно слышалось мне, когда я чуть не оступился в сенях на неровно уложенных и не прибитых гвоздями половицах. И потолок в сенях был также сооружен из наспех набросанных досок, сквозь щели все время сыпалась на голову сенная труха. Кособокая дверь не закрывалась, стекла в окнах сеней и хаты кое-где повыбиты и заткнуты тряпьем. Во дворе я увидел глубокую яму, наполненную дождевой водой. Мимоходом товарищ заметил, что собирается устроить погреб.

В другом углу усадьбы уложен первый бревенчатый венец бу-
душего дома. Рядом куча бревен, поросших дремучим бурьяном.

- В нынешнем году надо будет взяться за дом, - не совсем уверенно сказал товарищ, оправдывая такое запустение. Но мне показалось, что про себя он произнес привычное: "А, впрочем, нехай... Десять лет прожили..."

Мне становилась понятной ирония того старика. Я знакомился с селом и убеждался, что большинство домов куда благоустроеннее халупы моего друга. Были и очень хорошие избы с резными наличниками, нарядными крылечками. Убеждался я и в том, что хозяева добротных изб часто склонны при случае произнести слово "нехай", освобождающее (пусть на время) человека от обязательного действия, дать себе поблажку. По этой причине, наверное, приступив благоустраивать в далекие времена сельскую улицу, селяне бросили эту затею в самом начале. В дождь улица непроходима. Тракторами выдергивают из грязи автомашины и комбайны. Без резиновых сапог - ни шагу. А сами трактора и комбайны стоят под открытым небом в такой же грязи.

Нехай!..

- Может на колхозном собрании побывать желаешь? - спросил как-то меня товарищ. - За полгода бабки подбивать будем.

Я охотно согласился. Перед собранием мы зашли на машинный двор, где молодой напарник моего товарища ремонтировал трактор "Беларусь".

- Ну как, Васек, идет дело? - бодро осведомился товарищ, одаря помощника благожелательной улыбкой.

Васек с недовольным видом пнул носком сапога истертую резину колеса, произнес:

- Новый баллон нужен...

- А ты с нового и сними, - указал товарищ на рядом стоявший трактор.

- Раскулачивать?.. - почесал затылок Васек.

- А стоять лучше? Завтра за удобрениями ехать. На палочке верхом?

- Оно так, - согласился Васек и зазвенел ключами. Мы направились к клубу, где должно было проходить собрание. По дороге я не удержался, заметил другу:

- Васек твой прав: не надо портить новый трактор.

- Скажешь тоже - портить! Что ему сделается? Понадобится, поставим колесо - и газуй. Эко дело! Да мы всегда так: нужна деталь, снимем с той машины, которая стоит, - он говорил это с твердым убеждением, что он и его товарищи поступают правильно. Но меня его слова не убедили. Я только что видел трактора со снятыми колесами, гусеницами, моторами... Да и, судя по другим машинам, раскулачиванию подвергались не только трактора.

Собрание проходило бурно. Тон задал докладчик, председатель колхоза. Особенно крепко доставалось главному агроному.

- Агронома-то, похоже, снимут, - шепнул я товарищу.

- Что ты! А заменить кем? - возразил товарищ. Да его так раза три в год молотят. Да и не только его. Порядок должен быть. Критика. Без этого нельзя.

Я стал внимательно прислушиваться к выступлениям. И мне казалось, что люди не критикуют друг друга, а словно исповедуются и с облегчением отпускают друг другу грехи промахов и недоработок. Подтвердило мою догадку и решение собрания, страдающее общими, ничему не обязывающими фразами.

Из клуба мы возвращались в темноте, то и дело попадая в лужи. Я мысленно перебирал сказанное ораторами, и успокаивающим лейтмотивом в их речах звучало, как вздох облегчения, слово:

"Нехай... нехай... нехай..."

Я уже не склонен был считать моего друга белой вороной с его психологией безразлично-веселого отношения к жизни. Человек и общество, коллектив - сообщающиеся сосуды. Общество своею нетребовательностью порой дезориентирует, расхолаживает человека. Он, в свою очередь, поведением своим влияет на общественные дела, общественную мораль.

Впечатления, полученные в гостях у товарища, оформились у меня в некое нравственное понятие - нехаевщина. Этакое благодушное, на первый взгляд, явление с веселыми и добрыми голубыми глазами, самоиронией, с этакой даже зазубенностью.

Но не так уж оно безвредно, если пристально взглянуть в него. И тогда поймешь, что нехаевщина - то нравственное состояние, которое вмещает в себе известные формулы уклонения от долга: "до фени", "до фонаря", "до лампочки", "так сойдет", "перезимуем"...

Через год я получил письмо из села, от жены моего товарища. Она сообщала горестную весть: ее мужа задавило трактором. Товарища послали в поле ремонтировать комбайн. Он прицепил к трактору "Беларусь" сварочный аппарат и отправился в поле. "Васек говорил ему, - пишет жена, - что карбюратор барахлит, проверить бы карбюратор". "Дорогой подшаманю, если что", - ответил муж. Васек оказался прав: трактор в пути заглох. Товарищ мой слез, стал заводить мотор ручкой. Трактор завелся и... на второй скорости (она оказалась не выключенной) наехал на человека и насмерть задавил его.

С болью в сердце читал я эти строки. И передо мной стоял образ моего товарища с веселыми голубыми глазами, его неприятельностью и покладистостью. И что-то беспощадно-символическое виделось в его печальной судьбе и наводило на суровую мысль: человек в первую голову сам себя жестоко наказывает небрежным отношением к жизни.

С тех пор прошло немало времени, а размышления о нехаевщине не покидают меня. С болью душевной отмечаю, что жизнь наша дает еще достаточно примеров вредного влияния на нас нехаевщины. Нехай может произнести тракторист и министр, дворник и оператор АЭС, почтальон и капитан пассажирского лайнера... И в каждом случае возникает беда, только разная по масштабам. И в каждом случае вина ложится не на одного человека, но на многих, облаченных иногда теми или иными полномочиями, которые, вместо принятия верного и оперативного решения, произносят в свое время нехай, уклоняясь от лишних по их мнению хлопот. Нехаевщина по сути стоит на лени, иной раз прямо-таки панической боязни хорошо работать, а тем паче чуть переработать лишку. Зато поклонники нехаевщины догадливы на всякие уловки, чтобы уклониться от прямых своих обязанностей.

И хотя вроде само бескорыстие в голубых глазах исповедующих нехаевщину, на деле они наносят большой вред государству, каждому из нас, самим себе, вред материальный, и, что

особенно тревожно, вред нравственный. Да и порой распознать нехаевщину нелегко. Вот она и процветает и встречается буквально на каждом шагу.

...Сдается в эксплуатацию девятиэтажный дом, облицованный декоративной плиткой. Моя бригада строила. Дом - красавец! Но сколько недоделок, явного строительного брака. Полы настланы из сырого шпунта, окрашены в грязно-бордовый цвет. Краска липнет к подошвам сапог членов комиссии госприемки. Вырываются дверные ручки, оконные створки, привинченные не теми шурупами. Не течет вода из кранов, или течет беспрерывно. Горы строительного мусора возле дома. Благоустройство строители обещают, как принято, потом. Пишется длинный список недоделок, клятвенно обещает представитель стройки все недоделки в указанные сроки устранить. Смотришь на лицо этого представителя и читаешь на нем так яственно обозначенное: "Нехай!.. В бараках жили, ничего, а тут дом все-таки. И так сойдет!". "Нехай" и на лицах членов комиссии.

Нехаевщина держится на безответственности, когда персональная ответственность растворена в общей, ничейной. Иной раз бежишь по цепочке и каждое звено указывает перстом на соседнее, да не на одно, а на нескольких соседей велят с себя вину.

Примерно так объяснял я однажды на собрании бригады оброненное мною слово нехаевщина.

- Ты тут наговорил нам, как профессор, - криво усмехнулся Туманов - Выходит, вроде все мы виноваты, а? - Ни черта ты не понял, Туманов, - сказал Шаргородцев. - Правильно говорит бригадир: все мы этой нехаевщиной как-то заражены. Ну вроде бактерии она, нехаевщина...

- Вирус, - уточнил Волков. Студент вечернего вуза нашел нужное слово.

- Допустим, вирус, - согласился Шаргородцев. - И выходит это вроде болезни в нас...

- Нравственной, - поправил Волков.

- ...Нравственной, точно, - принял поправку Шаргородцев. - Болезнь эта по моему соображению вроде рака. Не сразу лекарство подберешь.

- Критика и самокритика - вот лекарство, - убежденно сказал Волков.

- Оно так, но не всегда мы пользуемся этим лекарством, - вmeshалась Мария. - Скажи, а тебя (если начальство заденешь) потом прижмут.

- Ну ты, Мария, не в ту степь заворачиваешь, - горячо возразил Волков. - Не то время сейчас, чтобы критиковать и оглядываться. Не то! Смелее надо. Да с себя начинать, с самолечения...

- Врачи говорят, что вредно самолечение-то, - заметила острая на язык Галина.

- Это я иносказательно. Личную дисциплину надо подтянуть, самосознание подтянуть до нужного уровня. Мозги и душу чистить от всякой дряни. Как у Маяковского: "Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше..."

Сколько раз читал я эти строки, но может только сейчас, в эту минуту, понимаю глубину их мудрости. Ведь революция-то продолжается, как о том говорит нам партия, сама жизнь. И плыть в нее надо очистившись от ракушек, от слизи нехаевщины с голубыми, на вид безгрешными глазами...

После этой беседы слово нехаевщина часто возникало в нашей повседневной речи. Этим словом, без лишних подробностей, зло и прямо обозначались разгильдяйство и недобросовестность, безрукость и безответственность, лодыричество и расхлябанность, очковитительство. Не только в нашей бригаде употребляли это слово. Замелькало, слышалось оно на других стройках. А редакторы нашего сатирического листка заменили общеупотребительное "Крокодил" на новое, привлекающее читателя, "Нехаевщина".

3. ЕСЛИ ОТКРОВЕННО...

Кирпичи словно таяли под проворными руками каменщиков. С досадой убеждаюсь: простоя нынче не миновать. Возле башенного крана - никого... Последнее время стоим часто. То кран сломается, то кирпич не подвезли или сборный железобетон. Два дня мела пурга. Отсиживались в вагончике, поддоны для кирпичей ремонтировали. Нам ли такая работа! Тьфу!

- Вася, - обращаюсь к Волкову. - Тебе надо бы проследить за этим лопухом крановщиком. Он может целый день убить, проторчать в мастерских. Надо ускорить ремонт, понимаешь?

- Вас понял! - подтягивается Волков. - Беру под наблюдение крановщика, ремонт ускорить. - И тут же скрылся в проеме лестничной клетки.

С чувством собственной вины думаю: вот сегодня надо ругать Туманова за прогул. А уже через час всей бригадой станем форменным образом прогуливать. Позор! Простои развращают людей, обесценивают наши заверения работать лучше день ото дня. Треп получается, если говорить откровенно. Простои - оборотная сторона медали, на другой - прогулы.

А на лице нашего юного мастера, год назад окончившего строительный техникум, полгода назад назначенного к нам, на лице мастера Эдика полное благодушие. Моргая девичьими ресницами, он говорит, улыбаясь:

- Михаил Иванович, вас начальник вызывает. Срочно просит зайти.

Ну что ж, пойдем к начальнику. Очень кстати.

- На ковер бугра... - услышал ехидный шепоток Туманова. - Сам лучше готовься, - отозвался голос Марии.

- А че мне, я готов, - хорохорился Туманов.

Посмотрим, как ты готов, Туманов. Избаловали тебя, вот и гуляешь, когда вздумается. Сами в первую очередь виноваты. Сами, сами, от каждого из нас, от меня, Волкова, Шаргородцева, недотепы Эдика, от всех нас огрехи и грехи.

В кабинете начальника стройки Шерстнева тепло, уютно, чуть слышно бормочет репродуктор на стене. Новая мебель, ковер на полу (напомнил: "на ковер вызвали"...), айсбергом белеет огромный холодильник (этот-то к чему?), льдисто поблескивает

экран бездействующего телевизора (никто не видел его включенным).

Шерстнев сидит за столом, разговаривает по телефону. Машет рукой: садись. Шерстнев мужик плотный, коренастый, короткошей, черноволос, смуглолиц. Смуглота выдает в нем уроженца Забайкалья, где к русской крови примешана бурятская. Два года ходит в начальниках УНР Шерстнев. А начинал учеником в моей бригаде. Настойчивый парень: работал, учился. Сначала среднюю окончил, потом в институт поступил на вечернее отделение. Был мастером, прорабом. Строительное дело знает, что называется, от и до, на своем горбу все испытал. Кое-что мне в нем не нравится, а многим горжусь: целеустремленность, воля твердая, решимость, готовность брать удар на себя. Не нравится заносчивость, самонадеянность излишняя. В стиле руководства у него больше приказа, меньше убеждения, демократичности. Не за одним Шерстневым наблюдаю я, и не у одного Шерстнева с огорчением отмечаю превращение открытого душой товарища, товарища не только для официального к человеку обращения, в номенклатурного делягу. Другой, выдвини его в начальники, быстро, как пузырь, наполняется этакой самовлюбленностью, земли под собой не чувствует. Такой не ходит по земле, а бережно носит себя по ней. Ну так поступают чаще люди глупые, у которых только видимость деловых работников, обманчивая видимость. И не так уж мало таких, к сожалению. Но Шерстнев, мужик умный, а вот поди ты, болезнь - номенклатурная исключительность - и его задела. Как бы не одолела... Шерстнев положил трубку, мне:

- Двигайся ближе, поговорить надо, посоветоваться... Задержу маленько.

- Можешь не спешить, все равно на простое, - не удержался я.

- Что такое?

- Кран.

- Понятно, - вдохнул Шерстнев. Помолчал, глядел в глаза мне настороженно. Продолжал:

- Мне... Ну как тебе пояснить, совет твой нужен, поддержка важнее, как ветерана, коммуниста. Мы коммунисты с тобой. Потому не стану вилять, скажу прямо: не трожь ты мне Чумакова. Он умный стройке человек. Спец в экономике. Дока, понимаешь?

Его уже давно в управление треста сманивают, я держу, уговариваю. А ты его на обе лопатки положить хочешь!

- Ты пояснее выражайся. При чем тут я? - спрашиваю, а сам догадываюсь в чем дело. Наш главный бухгалтер, женщина, подала на Чумакова заявление в комиссию народного контроля. Я председатель комиссии. Чумаков - коммунист, обвиняет его бухгалтерша в злоупотреблениях служебным положением в корыстных целях. Я передал заявление в партбюро для разбора.

- Заявление на Чумакова видел?

- Читал, Бюро разберется. Есть сигнал, и серьезный. Чумаков член партии, - отвечаю я. - Построил для своей автомашины гараж из материалов, похищенных со стройки. Несовместимо с членством-то!

- Я разрешил, - надавил на стол ладонями Шерстнев.

- И ты виноват.

- Чумаков все оплатит. Квитанции есть. Так что закрыть можно дело. Это тебе и бухгалтерша подтвердит сама. - Шерстнев тронул кнопку звонка. В дверях показалась секретарша:

- Зови Анну Васильевну. Живо!

Зашла Анна Васильевна. Увидела меня, наверно догадалась, в чем дело, густо покраснела, старается не смотреть в мою сторону. Стыдно все-таки. Стоит у дверей.

- Ты проходи, Анна Васильевна, - пригласил Шерстнев, но та не тронулась с места. - Чумаков все оплатил?

- Все, до копеечки, - торопливо проговорила бухгалтерша.

- Но ведь задним числом, - возражаю я. - Кирпич и доски когда еще вывез даром, а теперь платит. Не в деньгах дело, в совести. Разве так поступают коммунисты? И вообще: к чему весь этот разговор? Что тебе от меня нужно, говори? Заявление-то бюро будет разбирать.

- Вот, вот, а ты - член партбюро, - подхватил Шерстнев. - Я уже со всеми членами бюро беседовал, они согласились вопрос о Чумакове закрыть. Не так уж он важен. Ну, укажем ему. Ты же вот Анне Васильевне сказал: за такое злоупотребление служебным положением по нынешним временам будет исключен из партии. Я тебя знаю, максималиста. Вот и прошу быть к Чумакову снисходительным. Да и было это когда? Один Чумаков злоупотреблял? Все мы... Понимать надо. Договорились?

Анна Васильевна, можешь идти. И ты иди, Михаил Иванович. У меня все.

Не знаю, не говори со мною Шерстнев таким приказным тоном, так высокомерно, то может быть я бы и смолчал, смолдушничал, а вернее проявил сердобольность: "Черт с ним, Чумаковым, от него одного не пошатнется наша мораль". Но меня, человека в общем то весьма уравновешенного и терпимого к людям, к их слабостям, сегодня особенно возмутила начальственная уверенность Шерстнева: будет так, как он сказал. Меня оскорбляла снисходительность, с какою он говорил со мной сегодня. Да и только ли сегодня? Откуда это "похлопывание по плечу"? Чуть выберется человек в маленькие начальники и уже смотрит на рядового, на рабочего в частности, как на несмышлениша, которым надо "руководить", которого надо направлять, учить, вести.

Причем часто такой "руководитель" и не знает толком куда вести. Впрочем, тут действует самой жизнью отвергнутая установка о "винтике". Винтику положено лишь выполнять указания, "внимать" "вещающим". Не то время! Хлопать по своему плечу, Шерстнев, не по волю!

- Считай, что мы ни о чем не договорились, - сказал я, собираясь покинуть кабинет. Шерстнев нахмурился, карие глаза гневно блеснули.

- Не боишься? Я ведь все-таки начальник твой, Куликов.

- Не боюсь, Шерстнев. А когда я боялся?

- Ты вроде как скала, - криво усмехнулся Шерстнев.

- Да, стою твердо.

- Рабочий класс, гегемон... - в голосе Шерстнева ирония. - А единоначалие? А дисциплина где? Ты же под моим началом работаешь, изволь слушаться.

- Под началом, но не у тебя, - обозлился я. - Ты у меня работаешь, Шерстнев, у рабочего класса. Он обучил тебя, в начальники выдвинул, дал тебе полномочия, он и отберет, если плохо работать будешь. А единоначалие я тебе дал, чтобы ты за мою широкую спину не прятался, за свои действия перед рабочим классом отвечал полной мерой.

- Ну, ну, слишком пышно звучит, все это теория, я отвечаю конкретно перед вышестоящим начальством, перед государством за стройку. А ты вот, каменщик Куликов, отличный

мастер Куликов, и человек между прочим хороший, отвечаешь только передо мною. Такая вот ситуация!

Шерстнев победительно смотрел на меня. Вот паршивец!

- Ошибаешься, - говорю я ему, - Перед тобой я в отчете номинально. А полной мерой, как коммунист и гражданин, отвечаю перед государством и партией.

Оба мы стоим взъерошенные, сердитые, разделенные полированной крышкой стола. Вижу по глазам взбешенного моим упрямством Шерстнева, что он готов употребить слова покрепче, но еле сдерживается. Он даже заставил себя кисло улыбнуться. Плюхнулся в кресло, проговорил миролюбиво:

- Ты ничего не понял, Куликов. Не защищаю я Чумакова. Стервец он, знаю о том не меньше тебя. Но, повторяю, нужен он стройке в нынешние времена. И не поколеблются наши устои, если он останется работать экономистом. Воспитывать будем. Человеку никогда не поздно исправиться. Так ведь?

- Ты защищаешь зло. Зло должно быть наказано, чтобы не повторялось, - не сдавался я.

- Ну, ты опять за теорию, - поморщился Шерстнев, - Нам работать надо, практически, Куликов, а не философствовать. Ты должен быть патриотом своей стройки, Куликов.

- Куда уж мне, - говорю я. - Это твой Чумаков патриот. Химичит с показателями, помогает начальству...

- Ладно, иди, а то окончательно поругаемся, - махнул рукой Шерстнев и добавил спокойнее: - Ты тут заявление подавал на кирпич. Дачу собираешься строить? Похвально. Продовольственную программу станешь выполнять. Можешь брать кирпич. Я резолюцию наложил. Плати и бери.

- Не нужен мне кирпич, - буркнул я. - Я раздумал.

- Как знаешь, - с обидой молвил Шерстнев.

Я шел на стройку и продолжал мысленно спорить с Шерстневым. После такого разговора кирпич предлагает, вроде как задабривает. Не тумак мужик, а тут не сообразил, что неуместно предложение. А может не в задабривании дело? Все же Шерстнев уважительно ко мне относится, считает меня своим первым наставником на стройке и подчеркивает это. Вот и на беседу вызвал, говорил доверительно. В конце концов и без моего голоса бюро может склониться к мнению начальника стройки.

- Нет, Куликов, не туда гнешь, лазейку для совести ищешь. Мягкотел ты, Куликов, хотя все тебя считают крепким орешком. Ты бываешь чересчур иногда снисходительным. Но не ради того, чтобы тебе прощали ошибки, нет. Пожалуй, виноваты тут доброта к людям, и та же нехаевщина. Если ты не встрянешь в какой конфликт, то наверняка без тебя обойдутся?

Нет, Куликов, ты вел сегодня себя правильно. Не в том ты возрасте, чтобы мириться с нехаевщиной, со злом. И носишь ты звание коммуниста - оправдывай его, как подобает рабочему человеку. Ведь партия твоя, партия рабочего класса. Не ищи себе легкой жизни, прикрываясь спасительной фразой "не мое дело".

Когда вернулся на дом, к моему удивлению башенный кран уже работал. Волков стропил плиты перекрытий. Вот плита оторвалась от земли и поплыла в морозном воздухе, покачиваясь. Я похвалил Волкова. Довольный, он рассказывал:

- По всей цепочке прошелся. Они бы дня на два затянули. Я до самого управляющего трестом добрался. Сказал, что инструктор горкома на стройке, выясняет причины простоя.

- Ну зачем инструктора приплел, - морщусь я.

- А их иначе не проймешь!

Дорогой ты мой аника воин Волков. Не проймешь... А обманом доброе дело крепить не годится. Надо работать и жить на честной основе, как того сейчас от нас требуют время и высокие задачи наши. Тогда и лисьи уловки не понадобятся, вроде твоего розыгрыша управляющего, Волков, вроде мухлевания с объемами незавершенки, в коих наторел Чумаков. Не понадобится "выводилка", скрывающая производственные простои. Ложь во спасение? Во имя святого дела? Ерунда! Ложь всегда останется ложью и жестоко бьет верящих в ее силу.

4. БРИГАДНОЕ ВЕЧЕ

Всегда забочусь, чтобы мои ребята могли в тепле и уюте передохнуть, покушать. У нас вместительная передвижная бытовка-вагон на колесах, с водяным отоплением, если позволяет обстановка, а то и электрокамином обогревается в холодное время. На стенах - нужная наглядная агитация, графики, инструкции. Всегда чисто. Умывальник имеется, гардероб. Можно в парадном костюме на работу приходить. Помню, когда еще начинал работать в бригаде Большого Мастера, он поучал бывало нас, молодых: "Не забывайте о теплом угле на стройке. Или ты у костра козлом попрыгаешь и снова сопли морозить, или ты в теплом вагончике передохнешь, тепла поднаберешься. Большая разница, ребята. Третью жизни строитель проводит под открытым небом. Надо, чтобы эту треть не омрачали ненужные трудности, демагогами и лодырями созданные".

Один за другим заходят в бытовку каменщики, раздеваются, рассаживаются вокруг длинного стола, покрытого клеенкой. "Мое место" в "красном углу", как шутя зовут ребята конец стола, упирающийся в стену вагончика, где стоит переходящее красное знамя (удерживаем полгода). Рядом со мною примащивается профорг Волков. Он что-то пишет в своем дневничке модной шариковой ручкой. Все в сборе. Волков вопросительно смотрит на меня, поднимается во весь свой могучий рост.

- Открываю собрание. Кому вести?

- Ты води.

- Других предложений нет? Веду я. На повестке дня у нас два вопроса. Диаметрально противоположные между прочим (любит Волков звучное ученое словцо). Мы провожаем сегодня на заслуженный отдых наших ветеранов, товарищей наших и наших наставников - Петра Ивановича Малькова... - жест в сторону Малькова, тот, заметно смущенный, привстает... и Сергея Семеновича Епихова...

Епихов приподнимает с места.

- Похлопаем им, товарищи. И скажем им теплые слова признательности, какие бы сказали отцам нашим...

Аплодировали от души, и Туманов хлопал изо всех сил, забыв наверно в эту минуту о предстоящем не простом для него разговоре. Чувствительный Епихов утирал смущенно высту-

пившие слезы. Да и всегда невозмутимый Мальков подозрительно отворачивался в сторону, помаргивая глазами. Что ни говори, трудно расставаться с товарищами, с привычной и уважаемой работой, со стройкой, отойти скромненько на обочину жизни, подсаживаться во дворе к любителям "забить козла", стать, по-просту говоря, ненужным человеком, получать еще крепкими руками с железными мозолями пенсионные хрустящие бумажки. Они, конечно, положены те деньги, заработаны многолетним трудом, но все же, не за живой труд, не за сегодняшний новый дом. Я очень понимаю все, что творится на душе моих старых друзей, с которыми долгие годы строил человеческие жилища.

Волков молодец! Ухитрился парень приобрести два букета роз, уберечь от мороза, доставить в целости на стройку. Розы вручали виновникам торжества наши женщины.

А Эдик извлек из гардеробной гитару и спел приятным хрипловатым баском песню о городах, у которых названия нет.

Выступил и я. Вот что я говорил примерно:

- Товарищи, друзья мои. Сегодня мы провожаем двух наших товарищей на заслуженный отдых. Не просто годами, отбыванием на работе заслуженный, а трудом нужным людям, трудом тяжелым. Рукам достается и мозгами, между прочим, шевелить надо. Мы воздаем вам, Петр Иванович и Сергей Семенович, должное. Слава вам!

Но в эти торжественные минуты тревожит и заботит меня, что нет им пока достойной замены. Вернее заботит то, что медленно мы с вами эту замену старшим готовим. Вот уходят Епихов и Мальков. Да и для меня на горизонте маячит "заслуженный"...

Я к чему веду речь? А к тому, что людям молодым в бригаде надо сейчас, как говорится, прибавить в работе. И мастерством быстрее овладевать. Главное - дисциплина. А у нас что получается? Сегодня нам предстоит обсудить недостойный поступок каменщика Туманова. Три дня прогулял. Объясняет: дочь заболела, к врачу ходил. А справки нет.

- Врет, я его пьяным у четвертого магазина видела! - вмешалась Мария.

- Вот брешет! Где ты меня видела! - ошетинился Туманов, злобно блеснув припухшими глазами.

- Помолчи, Туманов, - удерживаю я. - Слушай лучше, что тебе товарищи скажут. Факт пьянки установлен. Жена Туманова подтверждает. Я с нею говорил. Просит: "Пропесочьте его как следует, измучилась я с ним. Почти каждый день потягивает. Ведь сопьется, а двое детей у меня"

Так что будем делать с Тумановым? Вот уже третий раз в этом году мы его разбираем.

- Пусть скажет бригаде, что он думает делать, предложил Шаргородцев.

- Говори, Туманов, товарищи ждут, - соглашаюсь я. Не нравится мне Туманов. Ничуть не видно и тени раскаяния на его нахальном, наглom испитом лице, всегда серым от постоянного принятия алкоголя. Он уже давал слово не пить, два раза премии лишали, и очередь на квартиру передвинули. А он опять за свое. А ведь отец семейства. Гляжу я на него и чувствую вину за собой, у меня он начинал свой трудовой путь. Начинал хорошо. Правда разбросанным был, мог и посадковать, и невыходы были: то проспал, то автобус подвел... Прощали. Юноша еще, ветер в голове. Не заметил я и все в бригаде, как стал вот таким наш Туманов.

- Я скажу, - решился наконец Туманов, поднимаясь.

- Дай слово, что пить бросишь, - подсказала Галина.

- Ты обожди, слово... - грубо оборвал ее Туманов. - Если

по-честному, конечно, прогулял я по пьяному делу. Башка болела...

А у вас никогда не болела? Если по-честному? Вы тут святые все собрались? Судьи...

- Речь идет о тебе, Туманов, - остановил его Волков. - Отвечай товарищам, как ты думаешь дальше жить.

- Дальше, дальше... Не знаю как дальше... - запнулся было Туманов, но вновь подобрался весь, ухмылочку наглую свою вернул. - Прогулов не допущу. Слово даю.

- Водку пить бросишь? - спрашиваю я.

- Скажу про водку. Тоже по совести, - голос Туманова даже торжественным стал, прочувственным. - Вы тут окрысились на меня, а я повторяю: пьют у нас в бригаде все, не только Туманов. Скажите не так? Только честно. А я не осуждаю. Почему бы мужику после того, как он целый день вкалывает на морозе, как папа Карла, не выпить чарку горилки а? Или возьмем опять же праздник. Наши деды и прадеды без вина праздники не отмечали.

Именины, например, поминки, или свадьба. Как такие события по-сухому? Молчите. Я тут на комсомольской свадьбе был. Без водки свадьба. Дочку прокурор города замуж выдавал, со спиртным ему, конечно дело, неловко. Скукота, скажу я вам, не свадьба. Ну никакого веселья. Сидят все, как в воду опущенные. Закуски - столы ломаются, а никто не ест. В сухую глотку кусок не идет. Верно говорю? Ага!

Люди слушают разглагольствования Туманова и вижу, чувствую: действуют такие его слова. Догадываюсь об этом по сдержанным сочувственным улыбкам, еле заметными согласительными кивками. Надо вмешаться, прерываю Туманова:

- Выходит, по-твоему, водка - добро?

- Как хочешь считай, - уклоняется Туманов. Но после указа противоалкогольного водки-то в нашем городе пьют меньше. Так в газетах пишут.

- Прав бригадир, уводишь ты в сторону людей, удар от себя отводишь, - поднялся сидевший все время молча Шаргородцев. - Вот таких, как ты, алкашей, не сразу переломает. И указ против водкопития больше все же направлен по-моему на то, чтобы молодые не привыкали к хмельной отраве. Ты здесь поешь нам: деды, прадеды... традиции... Эти песни в защиту сивухи мы слышали. А я тебе пропою другую песню. У тебя двухгодовалая дочь болеет, костный туберкулез подозревают. Ты сам просишь путевку в Евпаторию. А почему больна? Да потому, что ты выронил ее из рук, пьяный был. А старшенький сын заикается. Ты напугал ребенка в хмельном угаре. Жена от тебя уже два раза уходила. А ты - деды, отичи... Ты нам прямо скажи, Туманов, собираешься братья за ум, или так и будешь шакалить? Те, кто только что с сочувствием слушал Туманова, смотрят сейчас на него с искренним осуждением. Ох, велика сила слова, влияния его на человека!

- Туманов, к тебе обращаются, чего молчишь? - напоминает Волков.

- Что дети больны, то моя беда, а не вина товарищи. И грех, Шаргородцев, злорадничать. "Шакалить", - криво усмехнулся Туманов. - Я не бич какой, рабочий человек и оскорблять себя не позволю, - голос Туманова креп, набирал силу. - Эти слова - оскорбление личности.

- Не личность ты... - сказал Шаргородцев.

- А кто по-твоему?

- Мозгляк ты! За водку душу готов продать, - резанул Шаргородцев.

Вмешался я:

- Туманов, ты не крути, скажи: бросишь ты пить? Даешь

слово не брать в рот хмельное?

- Ну даю, - пробурчал осаженный Туманов.

- Что даешь? - скосил сердитые глаза Волков.

- Что? Слово... не пить, значит... - с трудом выдавил Туманов.

- Ох, уж и не верится. Сколько он этих слов давал, - вздохнула Мария. - Да он сейчас побежит в винный магазин. Он уже пятерку у табельщика взял. Видела, как дружку алкашу сигналил, у дома тот крутился, мол, "очередь занимай". Можете проверить. В очереди будет стоять. - Откуда тебе это известно! - взвился Туманов. - А потом, дорогие товарищи, разве стоять в очереди преступление? Имею право, как гражданин? По закону? Закон есть! И не одни там алкаши, нормальные стоят, между прочим, люди...

- Как ты, - фыркнула Галина.

- А я преступник? Закон нарушил, да? - набирал уверенности Туманов, ухватившись за спасительное слово закон.

Опять угадываю: чаша сочувствия чуть качнулась в пользу.

Туманова. И знаю почему. Что греха таить, кое-кто из этих славных ребят порой сами встают в ту очередь, с трудом преодолевая стыд и страх быть замеченными. Знаю, что они в таком случае клянутся себе: "Это в последний раз..." Знаю, что один за другим ребята все-таки преодолевают соблазн и покидают навсегда посещение скорбных очередей. Это заметно в особом проявлении у них чувства собственного достоинства. Таких я и теперь, при этом неприятном разговоре с нарушителем дисциплины, безошибочно узнаю. Чтобы последнее слово осталось за бригадой, вступаю в разговор:

- Тут Туманов говорит закон, право... Демагогия это все, Туманов. Нет у тебя и у нас такого закона, чтобы водку глушить, травишь себя и детей своих ядом алкоголя. Нет такого права. Не давала такого права тебе советская власть. Пить водку или не пить - это не просто сугубо личное дело, Туманов. Решает этот вопрос весь народ. И только - не пить. Это ты заруби на

носу, да кое-кому из нас, присутствующих, не вредно об этом помнить. С первых дней своего существования советская власть, народ наш, партия, объявили беспощадную войну пьянству. Революционные матросы и красногвардейцы истребили все вина в подвалах Зимнего, чтобы не позволить контрреволюции спаивать народ. А время-то какое трудное было, вспомните. А на семидесятом году революции мы, я так думаю, с пьянством справимся, зло это одолеем.

Решили единогласно: строго предупредить Туманова, пригрозили принудительным лечением. Кто-то посоветовал тринадцатой лишить, не поддержали, жалели ребятишек.

А он-то, Туманов, жалел своих детей? Может все же станет жалеть, опомниться? Ведь детей- то он, по словам жены, любит.

Я последним уходил из вагончика. В темноте впереди топтали Туманов и Эдик. Что-то бормотал Туманов, хихиканьем отвечал Эдик. Одно я разобрал из тумановских слов: "Водку запрещали не раз... И на этот раз на старое выйдет..."

На старое? А как ты думаешь, Михаил Куликов? Думаю, что на старое не выйдет, нет. На этот раз взялись бороться против пьянки всем миром. И не для показухи, не для заграницы: "Мы энергично искореняем алкоголизм", не для собственного успокоения, вернее самоуспокоения, как это было не раз. Борьба эта только начинается, она будет, ох, не легкой. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что бороться против сивушного горя и беды народной надо каждому, с себя начинать, и вдвойне, если тебя еще уполномочили быть в этой войне с водкой хотя бы отдельным командиром, не говоря уже о моем чине - взводного что ли.

А как я сам поступаю? Признаюсь, после указа против алкогольного тем памятным летом, тоже, как Туманов, подумал: "Были решения, были указы, громкие сердитые слова..." Хотелось дела, слов было достаточно. Но быстрее, главное ощутимее слова и решения начали претворяться в дела. Позакрывались разные закусочные, распивочные под невинными названиями "бутербродная", "шашлычная", "пельменная"... Запретили продавать спиртное во многих кафе, ресторанах. Ограничили продажу вина в магазинах. Меньше стало пьяных. Во всяком случае на улицах. Зато выросли чудовищные очереди у винных магази-

нов. Очереди эти представляются мне зловещим гигантским хвостом зеленого змия, упрятавшего свое гибкое тело в магазинной утробе. Никакого тяготения к водке я никогда не имел, ни в юности, ни сейчас. Хотя мог бы, как некоторые мои товарищи бригады, и пристраститься. Уж много было для того в прошлом поводов и возможностей. Ежедневно можно было на стройке увидеть пьяного человека. Терпели. Привычно говорили что-то о "пережитках", "родимых пятнах проклятого прошлого" и т.д. и т.п. Уже несколько поколений людей выросло в условиях советской власти, социализма, а наши теоретики, и мы за ними, толдоним о "пережитках". Да что - терпели, пили сами "в норме". "В норме" считалось допустимым. Водочная символика проникла во все поры нашего быта. Лексикон-то какой: "обмыть", "без поллитра не разберешься", "с тебя поллитра", "дашь на бутылку - и все!" Банкеты по всяким поводам, встречи с друзьями, крестины, поминки, свадьбы, проводы... Это я сейчас размышляю над всем этим и осуждаю, а ведь в прошлом не особенно и задумывался. "Так положено, традиция". Я был солидарен в какой-то мере с Тумановым.

Я нарочно изменил маршрут и прошел мимо винного магазина, где обычно берет водку Туманов. В морозной темноте зимнего вечера терпеливо стояли добрая сотня людей, хорошо одетых, в основном молодых, и женщины (или девушки?) вмонтированы в плотный драконий хвостище очереди. После указа и я стоял раза два в такой вот очереди, отворачиваясь от людей. Стыдно... Брал водку, чтобы задобрить шоферов грузовиков. Крайне понадобилось перевезти на дачу доски и цемент. Дал себе слово больше никогда не стоять за вином. Баста! Слыхал я не раз, и читал в газете, что такие очереди унижают достоинство советских наших людей, что надо как-то ликвидировать их, очереди. Но ликвидировать, значит больше водки продавать? Я против такой либеральной меры. Надо продавать вина все меньше. А что касается достоинства, то никого не заставляют стоять в винной очереди. Может ваша слабость? Лечитесь. Ваша отсталость? Займитесь самовоспитанием. Не ждите, когда вас отучат от водки. Я уверен - на себе испытал, что очереди такие - препоны моральные, и очень существенные на пути к алкоголю. Это чувствуют, сознают, и с этим соглашаются и стоящие ныне в драконовской очереди. Вы посмотрите как им неловко, стыд-

но, и каждый день какой-то из очереди стоит здесь в последний раз. А человек молодой, не познавший вкус вина, не встанет в такую непрестижную очередь. Только законченного алкаша не проймет никакая нравственная сила. Так о его ли достоинстве нам надо проявлять трогательную заботу?

Туманова в очереди я не приметил. Да разве в такой толпе заметишь...

5. МЫ И НАШИ ДЕТИ

Опять стычка произошла у меня с Шерстневым. Присмотрел я двоих ребят в ПТУ, взял к себе на практику. Ребята славные, старательные. Видно оба из рабочих семей, уже получили трудовую закалку. Хотя, правда, и в рабочих семьях, к сожалению, нередко нынче тунейдцы вырастают. Решил попросить у Шерстнева небольшой доплаты моим пэтэушникам. Пусть неполный день, но ребята вкалывают на совесть, и качество стараются дать, хотя опыт еще и маловат. В общем, поощрить ребят надо. Так вот с такой просьбой я вкатился в кабинет Шерстнева. И не в те часы, которые намечены на дверной табличке, а в свободную для себя минуту. Правда, я пока вхож к Шерстневу без доклада. Еще ни разу не завернул...

- С чем пришел? - недовольно спросил меня Шерстнев. - Говори скорее, в трест уезжаю.

Кратко излагаю.

- Работают хорошо? Поощрить надо? Не деньгами надо поощрять, Михаил Иванович, - назидательно поясняет. - Морально надо, на мораль жми.

- Деньги тоже не помешают, - говорю, - Как Ленин учит: хорошую работу людей надо строить не только на энтузиазме, но с помощью энтузиазма, на материальной заинтересованности.

- Ну силен ты, Куликов! Чуть что - на Ленина ссылаешься, - фыркнул Шерстнев.

- А на кого ссылаться? - спрашиваю.

- Не морочь мне голову. Иди, я подумаю. Потом, это вроде незаконно?

- В прошлом году ты меня убедил таким аргументом, - не сдаюсь я. - И что же? Трех тех парней из ПТУ взял к себе на попечение начальник другого УНР, твой однокашник Анопин. И вот один из тех ребят победителем городского конкурса каменщиков стал недавно. Мастеров получил Анопин. И этих Анопин переманит.

- Других возьмем, эго дело! - упрямится Шерстнев. Ведь знает, стервец, - не прав, а хорохорится. Есть у меня зацепка: во всем состязается со своим сокурсником по вузу Анопиным наш

Шерстнев. Потому и подал ему Анопина. Хотел плюнуть, уйти, но неожиданно уловка моя сработала. Шерстнев согласился:

- Хорошо, станем приплачивать. Ступай, Куликов.

Чем хорош Шерстнев: сказал - сделает.

В коридоре конторы Чумаков встретился. Улыбочка ехидная, как приклеенная. Он в начале моего разговора с начальником в кабинете с какими-то бумажками стоял. Сказал Чумаков с издевкой (зол он на меня, на бюро строгача все же ему дали, и не без моего участия):

- Куликов, почему ты всюду свой нос суешь?

- А он у меня длинный, - отшучиваюсь.

- Вот, вот, чересчур... Твое ли это дело? Ишь, какой кадровик нашелся.

- Мое дело, Чумаков, именно мое, кровное. Я не хочу, как ты, после себя пустое место оставить. Как рабочий человек, как строитель, как коммунист.

Глядит на меня Чумаков зло, презрительно даже. Вот мозгляк! Говорит, слюна брызжет:

- Есть повыше тебя люди, полномочные, которым положено большие вопросы решать.

- Правильно! - соглашаюсь. - Есть. А я им помогаю. Без меня, Чумаков, нельзя большие вопросы решать, тем более в нынешние времена.

- Ну, ну, решай, - запыхтел Чумаков, скрывшись за дверью своего кабинета. Это чтобы за ним последнее слово осталось. Тот тип!

Март, а по утрам морозно. Наверху, на доме свежий ветерок с Амура тянет, верховой. Парят окоренки, наполненные свежим раствором. Трогая облупленный нос толстыми пальцами, Шаргородцев, на мое замечание о суровом марте, шутит:

- Не зря говорят: марток - оденешь двое порток!

Привычный слаженный трудовой ритм, в каком пребывает бригада, действует умиротворяюще. Сегодня со мною работают те двое парней, за которых я хлопотал у начальника стройки. Оба паренька нравятся мне, оба такие разные. Игорь, с красивым девичьим лицом, парень весь как струна: тронешь - звенит. В работе порывист. Такие быстро выдыхаются. Но все схватывает на лету, и нашу, на первый взгляд грубую работу, выполняет с изяществом, А Федор ему противоположность. Он медлителен,

долго приспосабливается к любому виду новой кладки. Вроде даже неуверенность проявляет, постоянно спрашивает: "Дядя Миша, так я?" Хотя отстаёт Федор от товарища по темпам, но чище работает. Таких вот каменщиков Большой Мастер называл бывало: "Крепкой кладки человек".

А вот захотят ли оба эти парня на пороге ранней взрослости связать судьбу свою с дорогим моему сердцу ремеслом строителя, этого я пока не знаю. Меня это тревожит. Игорь, например, в беседе намекнул, что работает каменщиком до армии. "А потом?" - спрашиваю. "Там видно будет... У меня другие планы". - "Какие же?" - допытываюсь. "Может в вуз поступлю. В педагогический, на филфак". - "Учителем хочешь стать?" - "Там видно будет... Может журналистом". Федор проще, а его мысли о будущем определеннее и для меня яснее. "Чего наперед загадывать, - флегматично говорит Федор. - Знаю только, что везде надо работать. А профессия каменщика - хорошая профессия".

Я как-то сказал Игорю, что учиться в вузе можно и без отрыва от производства. Да и полезно будущему журналисту и учителю поработать на стройке, людей, жизнь узнать глубже. "Да, пока жизнь узнаешь, она мимо пройдет?" - ответил Игорь. Не понравилась мне эта слишком зрелая рассудочность молодого человека. Откуда у парня такая расчетливость, выверенность своей будущности? Никакой тебе романтики, никакой, так волнующей наши сердца в годы вступления в большую жизнь, мечты о предстоящей встрече с неизвестностью.

Прошлым летом я с женой зашел в кафе, открывшееся в первом этаже нашего дома. Зашли, чтобы хоть знать, что тут внутри. Шикарное помещение. Стены обиты искусственной кожей, полированные столики, буфет со всякими бутылками, никелированный кофейный агрегат, приглушенная музыка. Ого! Нужно все это кому-нибудь? Может нужно, раз оборудовали и столько денег зря ухлопали. Иду заказывать мороженое. Бармен высокий, молодой, ухоженный, в смокинге, бабочка под подбородком. Вглядываюсь - узнаю! Да это мой каменщик, в моей бригаде работал года четыре назад. В армию ушел и не видел его с тех пор. Мастер средний, но нормы всегда выполнял, и профессионально. Спрашиваю: "Ты что в кафе подался?" - "В нашей стране любой труд почетен", - отозвался стервец, попробуй

ему возрази. "Допустим", - говорю. "Не место красит человека, а человек место" - выдает мне бармен очередную истину. - На стройке я что видел: грязь перелопачивал, кирпичи тоннами ворочал. Тут чисто все, уважительно, там, чего греха таить, и матюков наслушаешься, и под открытым небом всегда: в мороз, пургу, дождь, жару. Экстремальные условия, как говорится. Словом, романтика для умственно отсталых, дорогой дядя Миша. - И шепотком: - Могу коньячку предложить к мороженому"...

Я был, признаться расстроен столь откровенным признанием.

Тем более укололо меня, что бармен-то слыл у нас в бригаде и на всей стройке активистом. Комсомольцы участка его комсоргом избрали. Такие хорошие слова он говорил о патриотизме, о самоотверженном труде на благо Родины и т.д. Откуда такой цинизм в молодом человеке, которого мы все так старательно воспитывали "в духе". А может этот бармен новоявленный исключение? Нет, к сожалению! У меня на сей счет совершенно определенные наблюдения имеются: неправильно порой мы нашу молодежь воспитываем. Мы, родители, взрослые, делаем их такими бескрылыми, гражданственно вялыми, равнодушными, направляющими молодую свою энергию не туда, куда нужно обществу: погоню за модой, приобретательство, холодную расчетливость. А пьянство? А наркотики? Впрочем (слышу, слышу голос Чумакова) все негативные явления в молодежной среде дело не бригадира систематизировать и объяснять, социологов это дело, ученых (что-то плохо пока они им занимаются).

Иной читатель прочтет эти строки и тоже, как Чумаков, может сказать: "Не тщитесь ли вы, товарищ Куликов, превысить, так сказать, свои полномочия рядового гражданина, берясь рассуждать о столь высоких материях, как воспитание?" Нисколько! К тому, что я отвечал Чумакову, добавлю еще, что у меня тоже дети растут. И я хочу, чтобы они были хорошими людьми, настоящими моими наследниками, дела моего, нашего общего дела. И если мне наплевать на судьбу "чужих" детей, то безразличие это распространится и на моих детей. Ну что тут непонятного?

Где же искать сбои в воспитании детей наших. Обращаюсь к своему опыту. Я особенно не ломал голову над тем, как

воспитать своих детей. И Макаренко не читал лет до сорока, когда ребята уже порядочно подросли: сын с меня ростом, дочь мать догоняет. Я воспитывал их так же, как меня и моих сестер и братьев воспитывали мои родители - тамбовские крестьяне. А методика у них проста и мудра, проверенная веками: умей и люби трудиться, уважай старших, довольствуйся самым необходимым и малым в одежде и еде.

Как дом строится на твердом фундаменте, так воспитание человека зиждется на труде. Человек, научившийся трудиться, делать своими руками необходимое для своего прожития - свободный человек, не зависимый ни от кого, не подчиненный по слабости. Овладев в детстве необходимыми навыками, человек смело взбирается по ступеням знания и умения все выше и выше. Что бы не говорили о таланте, о способностях, не получится из ребенка без полезного труда настоящего человека, не получится слесаря, каменщика, инженера, академика. Труд, делая человека свободным - вот верный компас к гражданской зрелости.

Я своими детьми доволен. Старший Иван, пришел ко мне на стройку в летние каникулы, когда ему пятнадцать стукнуло. Потом каждый год трудился летом рядом со мной. Товарищи шутили, что Иван по наследству получит от меня бригаду, когда я на пенсию отправлюсь. Посмеивался с ними и Иван. Но шел своим путем. Окончил десятилетку, хотя ему рекомендовали ПТУ. Поступил в институт на факультет гражданского строительства. Учился ровно, без рывков, потому как в труде физическом научился разумно расходовать силу да мозгами правильнее шевелить, с толком. Два лета подряд ездил командиром студенческого строительного отряда на село, строил дома для колхозников-новоселов, кормокухни, коровники. Для будущего инженера строителя - хорошая школа. С третьего курса взяли служить в армию. Отслужит, доучится. И в армии сразу свое место нашел. Комсоргом товарищи по роте избрали.

Возьмем теперь дочь Аню. Второклассницей была - пол матери помогала мыть, постирушки делать. А сейчас совсем настоящей хозяйкой стала, половину, считай, домашней работы на ней. Пол помыть, постирать, приготовить, пошить что-нибудь не особенно мудреное, но по домашности нужное - все это Аня

может. Талант особенный? Да нет, приучена к труду, к той мысли, что все надо уметь делать своими руками.

Скажут: хвастается Куликов своими детьми. Не хвастаюсь, констатирую, как говорится, факт. Насмотрелся я на такие семьи, где ненужно и во вред опекают детей, освобождают до армии и до замужества от всяких хлопот и работы, даже обязательной домашней. Живет с нами соседка, мы с нею погодки. Ее портрет на городской доске почета часто бывает. Лучший маляр судостроительного завода. Умная женщина, передовая работница, а дочь воспитывает неправильно. Захожу как-то к ней (ключ от квартиры оставлял), она полы моет. Дышит тяжело: помой-ка такую квартиру! Говорю: "Михайловна, ты бы дочку заставила. Я ее только у дома с книжкой видел". - "Ничего, сама вымою. Она у меня в вуз готовится. Пусть погуляет... Какая она ее жизнь еще будет... Пусть. У меня спина не переломится." Нетрудно догадаться, какая у девки будет судьба. Видел я на своем веку таких неумех. Мучаются они, особенно когда семьей обзаведутся. И ругают родителей, глупой опекой своей испортивших им жизнь.

"Мы тяжело работали, плохо питались, плохо одевались. Пусть наши дети не испытывают всех этих тягот. Разве не для этой цели - благополучие детей - мы перенесли все испытания". Примерно так говорят и уже давно - многие родители, поставляя обществу неумех, неприспособленных к делу людей, иждивенцев, недорослей с непомерными амбициями.

Может эти перекосы воспитания в семье успешно исправляет школа? Что заложено в ребенке в семье, да еще ежедневно утверждается, то не так просто поправить, переиначить в школе. Это все равно, что ремонтировать кирпичную стену дома, или класть заново. Ремонт во много раз трудней и продолжительнее, и не всегда надежный.

И еще: учителя, завучи, директора - тоже родители. Они невольно несут в школу, вкладывают в процесс воспитания те же ошибочные установки, характерные для семейного воспитания. Я это говорю, потому что уже много лет избираюсь членом родительского комитета школы, в которой мои дети учатся. Присмотрелся я к существующим так недостаткам.

Идет заседание педсовета совместно с членами родительского комитета. Завуч школы, суровая и властная женщина, ни-

когда по-моему не испытывающая ни малейшего сомнения в своих педагогических методах, предупредила нас накануне: "Будем двух трудных учеников обсуждать. Так вы, со своим жизненным опытом, поактивнее поучаствуйте в проработке. Надо это обсуждение примерным для школы сделать."

- "Показательным?" - спросил я. Завуч уловила иронию, нахмурилась. "Вся педагогика, товарищ Куликов, показательна, назидательна", - недовольно сказала она, явно не одоблив мою вольность.

Мы разместились за длинным столом, у конца его стоит, переминается долговязый акселерат. Он смущенно шмыгает носом, тербит замок "молнии" на синей нейлоновой куртке.

- Что же прикажешь нам с тобой делать, Колесников? - спрашивает завуч. Колесников молчит.

- Не знаешь? А мы вот знаем, - обвела всех значительным взглядом завуч, приглашая согласиться с нею, и продолжала: - Закончишь восемь классов, отправляйся в ПТУ. Ты нам плохой учебой только показатели портишь и другим учиться мешаешь.

Те же слова сказала завуч и второму нарушителю дисциплины и отстающему. Подростки обреченно молчали. Знаю, для них угроза "отправить" в ПТУ не нова. Завуч и некоторые учителя, исчерпавшие свои возможности подтянуть ребят, не раз напоминают об альтернативе стать "простым рабочим". Это надо же придумать: пугать детей званием рабочего! Припугнуть и сразу же, без паузы, начинать ему доказывать истину об исторической и благородной роли рабочего класса. Нет ничего безнравственнее этого расхождения слова и дела, тем более это вреднее, когда мы имеем дело с детьми.

Откуда идет такое? Да в первую очередь из семьи. Мы разве мало слышали, когда мать доярка говорит дочери: "Ладно, я мучилась, хоть ты, доченька, поживешь. Учись, оставайся в городе, ищи чистую работу". Или родители городские: "Пусть сын в вуз идет. Мы-то с матерью штукатурами всю жизнь поворачивали. Сын пусть в инженеры выйдет". И вот уже в школе учителя подают в ореоле престижности профессии журналистов, артистов, музыкантов, художников. Долго державшие первенство престижности врачи и инженеры уступили профессиям продавца, парикмахера, часовщика, повара. А дома кто будет строить? Кто будет пахать и сеять хлеб? Варить сталь? И поче-

му эти профессии стали вдруг непрестижными, и вроде даже постылыми? В нашей-то стране, хозяин которой трудящийся народ.

Примерно такие мысли я высказал на педсовете, когда подростки вышли из учительской. Все промолчали, а завуч сказала мне не без желчи:

- Я не берусь учить вас, Михаил Иванович, строить дом. Для этого наверно надо быть профессионалом.

- Мало этого, - отвечаю. - Надо еще строить по совести, с душой, так сказать. Чтобы люди потом не замерзали в нем и не ругали строителя.

Когда сталкиваешься с такими проблемами, когда одолевают тебя вопросы, а ответы не находишь ни сам, ни с помощью друзей, то нет-нет и мелькнет пугливая мыслишка, соглашательская с убеждением Чумакова: "Твое это дело? Есть повыше люди, пусть они думают" и т.д. и т.п. Гоню такую мысль и ищу ответа. Не я один ишу, партия моя ищет, народ ищет пути к лучшему воспитанию детей наших, нас самих, разумному хозяйствованию, организации труда, экономики. А чтобы путь верный прокладывать, надо знать, что лежит бревном на этом пути, не абстрактном, не отвлеченном, а твоим пути, по которому ходишь каждый день. Знать и бревна эти с пути убирать. Тоже руки к этому свои прикладывать, не на дядю в высоких инстанциях надеяться. Нет такого мощного дяди, чтобы справился со множеством наших дел. Приучать детей к труду в школе. Сколько об этом говорено, сколько реформ было, важнейшая проблема пока не решена. Очень мы похожи все с этими школьными реформами на неумелого, но хвастливого дровокола. Схватит такой добрый молодец топор, размахнется - глядишь на него - сердце зыграет: "Ну вдарит сейчас..." А он топор в поле-но вобьет, а вытащить не может. Смотришь, хвастунишка наш бочком, бочком и след его простыл. В конце 50-х, помню всерьез было взялись за политехнизацию. Для многих школ мастерские построили. Я со своей бригадой выстроил одну такую. Целый завод! Станки установили, верстаки. Но скоро остыли. Десятилетиями стоят и поныне пустыми мастерские. Может где и работают в них ученики, а в школе, где моя дочь сейчас учится, нет.

Вот и последняя реформа. Замах богатырский, а топор в полене, "сучковатое" оказалось... Формально введены уроки труда, но толку чуть. Наблюдаю, как дочка подметает дорожки возле школы, двор соседский, улицу. Пыль подымут, метелки - ошметки какие-то, гоняют мусор взад-вперед. А дворник, который обязан эти дворы содержать в чистоте, слоняется без дела, соображая, где бы похмелиться, да еще матом рывкнет на надоедливых ребятишек. Что это как не дискриминация труда, опошление святого этого понятия! И ведь не отдельные случаи, а массовое явление.

Я депутат горсовета. Часто вижусь с работниками аппарата исполкома. Сказал как-то заведующей горно о подметальщиках. "А вы помогите организовать настоящие уроки труда" - говорит она. Резонно, конечно. Взялся. Втянул в это дело весь родительский комитет, педсовет. Сейчас многие ученики (и моя дочь) раз в неделю учатся работать на станках в цехах завода. А класс, в котором учится Аня, устроили в тресте горзеленстрой.

Как-то, в нерабочую субботу, заскочил я в теплицу зеленостроя посмотреть, чем там моя дочь занимается. По ее словам: интересно в теплице. За стеклами снег, внутри лето, цветут розы, гвоздики, калы... Каких только цветов здесь нет! Великое дело для души цветы. Дочка моя с подружками высаживают в глиняные горшочки цветочную рассаду, какие-то луковицы перебирают. Все заняты, руки в черноземе, да и носы кое у кого испачканы в земле. Как муравьи копошатся девчонки, приятно смотреть. Это тебе не метлой по асфальту. Цветы - настоящее

дело, нужное людям, не игра в труд, а настоящий труд, как у взрослых. Потому-то так и привлекателен он детям. Неужели эта истина непонятна тем, кто призван такой труд в школах организовывать?

Мастер теплицы, молодая краснощекая женщина, хвалит своих юных помощниц:

- Знаете, взрослым не уступают. Здорово нам помогают. Если бы не они, запурхались бы с рассадой. Нам нынешней весной миллионы цветов предстоит в городе высадить, а народу как всегда не хватает.

- Взрослым не уступают? - переспрашиваю.

- Как большие!

- А как с оплатой труда? Сколько платите ученицам? - спрашиваю.

Лицо моей собеседницы сразу скучнее, пытается увести разговор в сторону. Вопрос повторяю, не праздный он, давно меня беспокоит.

- Они учиться труду сюда приходят, а не на заработки, - недовольно отвечает мастерица. - А вообще-то платят им, как всем, по расценкам.

- Можно посмотреть наряды, учет?

- У вас полномочия? - сердится она.

- Полномочий хватает, - успокаиваю ее. - Где бухгалтерия?

Два дня приходил в теплицу, проверял. Установил: половину сделанного школьниками оплачивают рабочим теплицы, это им вроде стимула, даровые деньги. За вторую половину заработанные деньги перечисляют на счет, указанный школой. Перечисляют нерегулярно и не всегда, и деньги уходят неизвестно куда.

Не нравится мне это. Не нравится, что обманывают детей на самом первом, самом важном этапе приобщения их к полезному взрослому труду. Не нравится, что не выдают ребятам хотя бы часть денег на руки. Это бы так подняло в глазах ребят авторитет, важность выполняемой ими работы!

- Деньги - детям? Не было такого, - возражают администраторы той же теплицы.

- Непедагогично, - соглашаются работники школы.

Точь-в-точь как в сказке: "Где это видано, где это слыхано..."

Не видано, надо завести такой порядок самим. Ведь и условия для этого новаторства самые благоприятные. Непедагогично? Как раз непедагогично то, что делается сейчас: не выдают деньги детям, нагло обсчитывают их. По сути дела обворовывают, хотя воровство это прикрывается бескорыстностью обманщиков, устаревшими инструкциями и наставлениями. Такой обман безнравственен, он развращает молодые души и готовит к равнодушному восприятию обмана в будущем. А ведь наша обязанность сейчас, в детском возрасте воспитывать в них отвращение к обману, воспитывать веру в правду нашей жизни.

Я читал в газетах, как умные люди в Москве создали целый школьный завод. Он выпускает нужную стране продукцию,

реализует ее. Ребятам оплачивают часть денег, часть идет на коллективные нужды школы. Опыт, выходит, есть, но охотников использовать его пока мало, особенно у нас в городе.

Случай в теплице натолкнул меня на размышления о заработной плате. Ведь последние десятилетия постепенно искажилось понятие заработной платы. Деньги часто не зарабатывались, а "выводились". Выводиловка обеспечивала спокойную жизнь руководству стройки, предприятия, более спокойную во всяком случае. Выводиловкой, а попросту прямой припиской, ловко скрывались все промахи руководства, создавалась ложная видимость благополучия. Это в какой-то степени развращало рабочих: "Э! Как ни старайся, или вообще сачкуй, все равно заплатят "нормальные деньги". В открытую бригадир, или отдельный рабочий говорили мастеру, прорабу, начальнику участка: "Ты мне в прошлый месяц мало вывел. Так не пойдет!" Или: "Ты мне выведи побольше, мне деньги нужны". И выводят. И никого не смущает несправедная операция.

Себя не обеляю, тоже терпел выводиловку, успокаивал себя: "Все так, и я..." Но всегда сердце жег стыд, мучила совесть - получать деньги даром. Ведь это только кажется, что выводиловка на пользу рабочему человеку. Чушь! Честным путем всегда можно заработать во много раз больше. Выводиловка - это замаскированное самообкрадывание. Ухватив лишнюю пятерку, ты отнял ее от того, кто ее где-то заработал честно. Словно одеяло на себя потянул... Пятерка-то из воздуха не возникла, это всегда труд овеществленный, так утверждает политэкономия.

Легкое отношение к деньгам, даже честно заработанным, а тем более полученным за "работу", а не за труд, от взрослых передается детям. Они не приучаются с малых лет ценить копейку, в которой овеществлен труд - кровь и пот (чего бояться такого древнего и точного сравнения!) их родителей. Меня корбит, когда я вижу взрослеющую дочь или сына, вымогающих у родителей (часто только одинокой матери, маляриши на стройке) двести рэ на модные джинсы. Она (он) не приучена понимать, как эти деньги мать заработала. А мать отдает месячную зарплату на штаны, чтобы все было "как у людей".

Это легкое отношение к заработной плате проявляется и в нежелании даже задумываться над тем, чтобы детям, выполняющим нужную работу, пэтэушникам, проходящим производ-

ственную практику, платить за их труд. Только самим заработанные и полученные на руки честные деньги способны воспитать у подростка уважение к труду. Слова, не подкрепленные экономически, - пустые слова.

А кто нам не давал, кто мешал действовать правильно? Ведь не в одночасье же мы прозрели. Тут невольно вспоминаю старого товарища, его похожую на шелудивого пса хижину, его беззаботно произнесенное и эхом согласным повторенное магическое слово:

Нехай!

Нехаевщина мешала нам наводить порядок в своем доме. И она, с виду безобидно-голубоглазая, продолжает активно вредить нам. Она увертлива, услужливо нашептывает на ухо: "Ну жили так, и будем жить".

Жили. Все время откладывали решение сложных и хлопотных проблем, а дом государственный лишали хозяйской заботы. Но поняли мы, партия подсказала, что так больше жить нельзя. И не будем больше так жить. Не можем. Не имеем права. История не простит нам нехаевщины.

Не простят дети наши, внуки наши.

6 ПРЕСТИЖ НА СТОЯЩЕГО ДЕЛА

Перед началом смены я сижу в бытовке, подбиваю итоги за месяц. Могли бы быть и получше... С кирпичом опять перебои были. Больше полвека делаем кирпич в нашем городе, а не научились. Недожог, трещиноват, нестандарт. Дверь скрипнула, в вагончик вошел каменщик Антанас. Литовец Антанас прибыл по путевке ЦК комсомола из Каунаса год назад. Крепкий парень, стройный, белокурый, со светлыми прибалтийскими глазами, очень спокойный. Он как-то сразу вошел в бригаду, был признан равным, своим. А то ведь бывает, когда человек болезненно вживается в коллектив, и тот иной раз его отторгает, как человеческий организм чужое сердце. Хотя квалификация у него - тракторист, кладку освоил быстро, получил третий разряд. Симпатичен мне Антанас. Надежный парень. Любую сложную кладку поручи, любое другое дело, выполнит без канители и еще доложит по недавней солдатской привычке: "Товарищ бригадир, задание выполнено".

Тревожило меня в Антанасе лишь одно: прижившись в бригаде, он, по-моему, не прижился к городу, к Дальнему Востоку. Сердце его было там, в родной Литве, под балтийским небом. Уйдет из бригады Антанас, уедет на родину. К такому выводу меня привел опыт. До Антанаса в бригаде работали с такими же комсомольскими путевками литовцы, латыши, эстонцы. И все, отработав положенное по договору, уезжали.

Антанас снял ушанку, положил ее на стол, присел на табурет рядом со мной, откашлялся и сказал:

- Поговорить надо, Михаил Иванович. Не помешаю?
- Говори.
- Через три месяца у меня договор кончается, - начал он.
- Продли, - прикидываюсь протестом.
- Нет, в Литву надо, - отвел предложение парень.
- Что так? Невеста ждет? Здесь подыщем, - подшучиваю я.
- Невесты нет. Скучаю. Ехать надо в Литву.

Пытаюсь давить на сознательность: мол, комсомолец ты,

надо хотя что-то заметное построить в городе комсомольской славы. Учиться и тут можно, есть где. Вон с Волковым станешь учиться в политехническом институте. К Дальнему Востоку сейчас такое особое внимание. Народ сюда год от году все в

большем числе поедет с запада страны, а ты, выходит, против патриотического течения поплывешь? Вздыхает Антанас, замолчал, замкнулся. Вижу: умом может и соглашается, а сердцем нет. Уйдет из бригады Антанас...

Мне запомнились беседы с Большим Мастером на темы закрепления кадров в Приамурье, в Комсомольске в частности. Уж он-то, заложивший первый камень города, в этом вопросе хорошо разбирался. Он говорил: "Когда мы в 1932 году весной приехали сюда, на Амур, в этих местах, на которых несколько европейских государств могли бы без тесноты поместиться, проживало около шести тысяч человек. А когда Комсомольску отмечали пятилетие, он уже насчитывал 70 тысяч жителей. После войны - сто пятьдесят тысяч. Это в 1947 году. Люди, в основном молодые, ехали все эти годы сюда. Многие Амур вскоре покидали, но многие закреплялись, оставались. Новосел как дерево пересаженное, трудно прививается, особенно если "садовник" неграмотный.

Прав Большой Мастер. Я потом замечал, что не менее трех лет надо человеку, чтобы привыкнуть к новым местам. Он должен пустить корни. Тогда ветер старых привязанностей не сорвет его с почвы. Даже если создать все условия, человеку понадобится не меньше трех лет на адаптацию.

А если социальные условия аховские? Тогда - текучесть кадров.

Особенно обострена эта проблема на всесоюзных комсомольских ударных стройках Приамурья. За последние лет двадцать десятки строительных отрядов прибыли в Комсомольск. Многие из них мне, как ветерану, приходилось встречать на вокзале. Смотришь на пышущих здоровьем парней и девчат, и сердце радуется: подмога! С речью, конечно, выступишь, призываешь: "Мы начали строить город, вам продолжать". В ответ добровольцы клянутся не подкачать, оправдать и т.д. Обещают не бояться трудностей, не пищать... А пройдет полгода, узнаешь, что большинство новичков покинули стройку и укатили по домам. Набирают новый отряд, и все повторяется: призывы, клятвы и ... отъезд домой.

Может слаба характером нынешняя молодежь? Не сказал бы, здоровые души у большинства нашей молодежи. Все лучшее, что имели за душой, им передали и передаем. Иногда некоторые

старики говорят: "Не та молодежь, не та, мы-то, помнишь? А они? Квельный народ пошел... Им бы потрясти брейк какой-то, да штаны бы с бляшкой на зад..." Встречи с молодежью, близкое знакомство с делами ударных строек все больше убеждали меня в несправедливости таких суждений.

Ведь что получается? Горожане искренне встречают добровольцев как надежное пополнение своего землячества. Но теплой встречей все иногда и кончается. Потом новоселы попадают под опеку руководителей строек, людей, затурканных решением многих неотложных проблем. Да и сами они в городе и на стройке чаще новоселы. Цель у них одна - построить и сдать в срок объект - и по домам. Им зачастую не приходит в голову вникать в психологию молодых людей, сочувствовать их переживаниям, и тем помогать их акклиматизации. Для руководителей ударной стройки добровольцы - рабочая сила, прежде всего, наспех объединенная в отряды. "Необстрелянных бойцов" сразу бросают на штурм, на преодоление отставания. Тут и двенадцатичасовая работа (и сверх), и организационная неразбериха, и отчужденность молодых строителей от решения судьбы дела, которое они выполняют. Обычно критику со стороны молодежи никто не слушает. С легкостью дают парням и девушкам расчет, говоря: "Пусть уезжают, пришлют других..."

Не ощущают на новом месте молодые люди теплоты, простого человеческого участия, настоящего по большому счету доверия. Тут много бы мог сделать комсомол города, но не делает. Ведь надо помнить ко всему прочему, что молодежь эта отчуждена от семейного очага, родных и близких, надорваны множество нитей, связывающих нас, каждого человека, с жизнью. Надо эти нити восстанавливать, заставить функционировать, как умелый хирург сращивает нервы и жилочки оторванной руки. А это требует теплоты и отеческого, братского внимания к личности, особенно юной, вступающей на путь большой самостоятельной жизни. Такая теплота у нас издавна в народе существует, но сильно притушена застойным временем. Хорошо об этой теплоте поется в одной комсомольской песне. Помню в ФЗО мы ее пели: "Там, на шахте угольной, паренька заметили, руку дружбы подали, повели с собой. Девушки пригожие тихой песней встретили, и в забой отправился парень молодой. Дни работы жаркие, на бои похожие, в жизни парня сделали поворот

крутой. На работу жаркую, на дела хорошие вышел в степь до-нецкую парень молодой". В нескольких строчках - целая программа воспитания молодого человека.

Теплоты больше в отношениях с молодежью, веры в нее, участия и понимания ее духовного состояния. Этого нам порой не хватает. Поменьше бы пустопорожней болтовни о "привлечении", "охвате", "отвлечении"... Больше доверия и больше настоящего дела - вот что необходимо молодому человеку для становления.

Настоящее дело. Последнее время я много размышляю над этим понятием. Вот говорят: не место красит человека. Безоговорочно я не соглашусь с таким утверждением. Самая нужная для людей профессия - самая красивая. И человека, овладевшего ею, она украсит. К таким я отнесу, например, профессию строителя жилища - очага семьи - очага всего значит государства. Каменщик, плотник, бетонщик - работы мужские. Что для мужчины почетнее - работа бармена, протирающего полотенчиком тарелочки и фужеры, или работа каменщика? Нет, не красит, по-моему, место бармена настоящего мужчину.

Странное дело, из нашего словаря исчезают такие словосочетания, как мужское дело, мужская работа. Да и женское дело, работа, обязанность тоже почти не слышатся. Я считаю, что это результат феминизации нашей жизни. Искажение понятия равноправия мужчины и женщины. Укоренилась у нас боязнь обидеть женщину подчеркиванием мужского превосходства? Чепуха это все. А феминизация идет, принимает и смешные внешние формы, идут по улице двое, обнимаются, оба в брючках, одинаковых куртках, у обоих волосы до плеч, серьга в ухе. Разбери: муж с женой, парень с девицей, кто девица, кто мужчина? И не смешно, грустно, зло берет на такое уравнивание, доходящее до абсурда, и далеко не так уж безобидное, как кажется на первый взгляд.

Ну, тряпки, волосы - это до тридцати... А вот бармен, продавец воды с мускулатурой борца, увиливание от тяжелых и пока неизбежных физических работ в народном хозяйстве, это посерьезнее и вреднее.

Особенно горько на это смотреть, когда видишь ежедневно, как рядом с тобой женщина кирпичи нянчает с утра до ве-

вчера, как бабы и девушки дороги мостят, шпалы кладут, рельсы ворочают.

Нет уж, не надо такого равноправия. Каждый пусть свое, положенное природой, дело делает.

А может женщины больше и виноваты в том, что так перекосились понятия? Что ни говори, общеобразовательная школа в руках женщин. В газетах и по телевидению специалисты сокрушаются по этому поводу и призывают к утверждению мужского начала воспитания, зовут в школу мужчин. Только не больно торопятся мужчины. Выступал тут я раз в педагогическом институте на встрече "трех поколений". В зале народу битком, и в большинстве - девушки. Тут причина - престижность низка, и оплата труда низка.

Слово престижность сейчас в ходу. Мы поняли, что делали что-то не так, и ищем пути исправления этого "не так". Не престижными стали строительные профессии, профессии сталевара, прокатчика.

Помню, как-то спросил меня Большой Мастер:

- Михаил, а ты в своем родном училище бываешь иногда? Как там смена наша учится?

Признался, что не был там, как только получил диплом об окончании.

- А нам надо, брат, там бывать. Резерв наш готовится в училище, а мы в стороне.

Давно уже нет Большого Мастера, а помнятся его отеческие беседы с ребятами, будущими каменщиками, плотниками, монтажниками. Он охотно брал к себе в бригаду выпускников ФЗО, от которых иной раз отрешивались другие бригадиры, не любящие утруждать себя наставничеством. Они и сейчас есть такие, норовящие отфутболить подростка к соседу. С тех пор я больше не порывал связей с училищем своим, теперь уже ПТУ. Давно училище это переселилось в великолепное здание-дворец из убогого саманного барака. Прекрасное общежитие, столовая, спортзал. Ребята одеты, обуты, ухожены, накормлены, только учись.

Сидят они передо мною за столами в светлой теплой аудитории и, кажется, внимательно слушают мой рассказ о знаменитых каменщиках города, искусных плотниках, штукатурах.

Это их руками построены тысячи зданий нашего города - прекрасное творение рук рабочего человека. Говорил вроде хорошо.

- Вопросы будут к Михаилу Ивановичу? Ну-ка, ребята, поактивнее, - приглашает преподаватель.

Ребята молчат.

- Если нет вопросов, поблагодарим товарища Куликова за интересный, содержательный рассказ.

Ребята дружно аплодируют.

А вопросы у ребят были, вопросы эти их очень волнуют, но кто на них ответит, кто разрешит? Стриженные, долговязые, с неразвившимися еще плечами, они обступают меня в вестибюле, и вопросы эти задают. Самые разные.

- Как вы думаете: выбор профессии - личное дело каждого человека? - спрашивает один из парней, в глазах ирония: "Ответишь?"

Не простой вопрос, с подковыркой, как говорится. Отвечаю, подбирая слова:

- Кем быть - решать каждому. Но совет старших в этом деле не помешает.

- А я вот собрался в мореходку, а меня сюда направили, - с вызовом произнес рыжий парнишка.

- Я тоже хотел в мореходку. На Камчатке есть. Брат там учился, на сейнере теперь ходит, - вступил в разговор другой.

- Да вы тут все моряками хотели стать? - шучу я, уходя от ответа.

- Зачем все, не все, - возразил рыжий. - Егор, вон, в машинисты тепловоза метил.

- А я художником-дизайнером хотел стать, - сказал сосед.

Смотрю на ребят и обидно мне за свою профессию, обидно, что не умею разубедить их, говорю слишком общие слова о нужности профессии строителя, правильные, но не доходят они до сердца моих юных собеседников. Они всерьез считают себя обделенными, эти ребята. Нечто похожее в их настроении на сиротское. Вроде: "Был бы отец", или: "Были бы родители", - не попал бы я в строительное училище, самое оказывается, непристойное. И что еще хуже: в этом ПТУ и в самом деле большая часть ребят из детских домов.

Ну как им объяснить, что не обделены они на самом деле. Какими словами рассказать о красоте труда строителя, всегда

окружаемого нашим народом особым почетом. Как признать, что почет этот растворился в общих словах: почитен любой труд. Справедливые слова, их с первого класса заучивает любой подросток. Но ведь труд труду рознь. Несравним труд каменщика, находящегося в любое время года под открытым небом и труд, допустим, часовщика. Чем компенсирует общество тяжесть труда каменщика? Только престижностью, подчеркиванием его значимости для народа. Партия и учит нас так именно поступать. Недавно я прочел в сообщении о заседании Политбюро ЦК КПСС такие слова: "... возвышать и поощрять" надо передовиков производства, соревнования. Надо возвышать и поощрять людей, занятых на ключевых участках нашего строительства. Все мы знаем эту истину, но в последние десятилетия как-то нецеленаправленно пропагандировали особо нужные стране профессии.

Когда я учился в школе, а потом в ФЗО, все мы, подростки, знали поименно героев труда, знатных людей города, как их тогда называли. Уже не говоря о взрослых. Комсомольчан, с жаром обсуждавших последние трудовые достижения строителей или металлургов, можно было встретить на улице, на лесах новостройки, в заводском цеху, в магазине, на приеме у врача, в семейном кругу. С одинаковым азартом говорили о каменщиках, сталеварах, монтажниках, машинистах пенсионер и школьник, врач и рабочий завода. Казалось бы далеких от дел производственных людей волновали итоги труда стахановцев. До сих пор люди постарше помнят "гремевшие" тогда имена каменщиков Грунина и Щеглова, Гладенкова и Рохлина. Как же их не знать, не почитать, когда они на глазах всех горожан строили целые кварталы, улицы прекрасных зданий. И не только строители пользовались такой известностью. Были лидеры у сталеваров "Амурстали" Положеев и Войтович, получивший первым в Комсомольске звание Героя Социалистического труда, у корабелов станочники Слепко и Патрин. Слепко Илья избирался дважды депутатом Верховного Совета СССР. Был в этом почетном списке и Большой Мастер.

Надо заметить, что такое возвышение рабочего человека, показывающего пример другим, началось в кипучие 30-е годы. Движение людей труда к высокой выработке народ назвал ста-

хановским движением в честь зачинателя его шахтера Алексея Стаханова.

Разве теперь меньше у нас первоклассных мастеров на стройках, заводах, фабриках? Разве меньше новаторов? Не меньше, конечно, но имен их комсомольчане не знают.

А между тем в наших газетах мелькают сотни имен. Но вот почему-то не запоминаются они, как раньше. Мелькают эти имена с прибавлением слов "передовой", "новатор" и т.д. на экранах телевизоров, слышатся по радио, но все сливается в единый серый фон. Словно строй солдат прошагал: все одинаковы. Такой показ соревнования можно назвать уравнильным, усредненным, словно мы опасаемся перехвалить кого-нибудь, выделить из общей массы. Я как-то спросил об этом председателя стройкома, много знающего человека, давнишнего моего товарища: "Мы что, такой уравниловкой словно даем понять: не высывайся?.." На это тот отвечал: "Ну, ты наверно грубо определяешь, но есть стремление к выравниванию. Стрижем всех под одну гребенку. Значение лидерства в соревновании, в труде, занижено. Мне кажется, что здесь, пусть отдаленно, но есть влияние борьбы с культом личности. Приведу такой пример. Ты знаешь, что в конце 40-х годов одной из новых улиц в новом микрорайоне присвоили имя бригадира каменщиков Николая Щеглова. Так вот, в конце 50-х годов, когда шло переименование некоторых городов, на местах рьяные исполнители стали менять названия улиц, школ, библиотек, отнеся к носителям культа личности классиков литературы, ученых, героев страны, как Чкалов. Попал под эту рубрику и Щеглов". "На всякий случай..." А вдруг начальство потребует. Не потребует, и так сойдет". Это "на всякий случай" живуче, не сразу-то его выкорчует".

Что и говорить, не сразу!...

Я считаю себя тоже причастным к той улице, названной именем Щеглова. Сразу после войны, как только подсобрались мастера, вернувшиеся с фронта, приступили по-настоящему к строительству самого города. Не было ни одной улицы, ни одного жилого квартала, застроенного полностью, как ныне говорят, в комплексе. На огромной территории, начисто лишенной леса, стояли отдельные поселки приземистых, обветшалых за годы войны барачков. Несколько десятков каменных многоэтажных домов,

неоштукатуренных (потом...), торчавших тут и там, только подчеркивали неустроенность города. На одном из пустырей, заросшим голубичником, был заложен первый квартал, где планировалось соорудить десятка три домов, школу, котельную. Для большинства домов предусмотрели приусадебные участки. План застройки квартала горячо обсуждался комсомольчанами. Совсем малый процент остро нуждающихся семей могли получить здесь жилье, но никто не завидовал будущим новоселам. В этом квартале видели все образ будущего своего города, очень близкого будущего. Потому так ревниво следили за его застройкой. В газете чуть не каждый день сообщалось о ходе стройки. А в самых первых сообщениях упоминалась фамилия каменщика Николая Петровича Щеглова. Он стал знаменит и тем, что объединил разрозненные звенья каменщиков, рабочих смежных профессий в одну комплексную бригаду, которая стала работать на конечный результат по аккордному наряду. Кстати, с той поры, вот уже более сорока лет, каменщики Комсомольска работают только по этому комплексному методу.

Несколько месяцев пришлось работать на квартале и мне, сначала штукатуром, потом и стены клал.

Запомнился солнечный воскресный октябрьский день 1949 года. Утром со всех концов города потянулись сюда празднично одетые люди. Почти каждый, как только перед ним вставал во всей красе этот новый уголок города, останавливался, восхищенный. На месте пустыря, старых бараков и землянок, вырос сказочный белый городок, с непривычными для глаз горожан оштукатуренными стенами, асфальтированными тротуарами, улицами, окружающими квадрат квартала. О житье в таком городке можно только мечтать после мрачного, сырого, кишасщего крысами и клопами барака какого-нибудь "Больничного поселка" или "Четвертого участка".

На уютной улочке, делящей новый квартал пополам, стихийно возник митинг. На освобожденную от мебели новосела полупорку, взбирались ораторы. Они воздали хвалу труду строителей. Они говорили, что таким, как этот уголок, скоро станет весь город. Злая война, фашисты помешали, а то бы таким он уже был! Все единодушно поддержали предложение называть эту улочку именем Щеглова. Исполком утвердил решение

митинга, и на тихой улочке с молодыми тополями, на угловом доме, появилась табличка "Улица им. Николая Щеглова".

Так что не для "галочки", не по капризу "вышестоящего лица", а по желанию народа дали улице имя ее творца. Люди гордились своим земляком. Свет почета и славы его падал на них. Помню, как-то мать оторвала листок календаря, по привычке прочитала его и крикнула: "Миша, иди-ка сюда! Смотри-ка, наш Щеглов, у которого ты работал, в календарь попал", - и подала мне листок от 12 июня. Это, как известно, день закладки Комсомольска. На листке был изображен Щеглов с женой и дочкой, идущими по улице его имени. Так дорог был этот знак огромного уважения к человеку труда. Я знаю, что, как и я, каждый горожанин принимал этот знак уважения и в свой адрес. А как же иначе! Ведь только духовным родством, общностью помыслов и труда сильны мы, только в такой духовной атмосфере рождается настоящий патриотизм.

И вот чиновнику-временщику (сколько таких пришлось повидать!) втемяшилось росчерком пера лишить заслуженного уважения и каменщика, оставившего после себя в городе двести домов, и всех горожан. Не просто сорвали табличку со стены дома и заменили другой, ничего сердцу человека не говорящей, но оскорбили чувства горожан. Этим был дан сигнал для других бюрократических действий других временщиков. Один из таких, занимавший довольно высокий пост, распорядился, например, снести бульдозерами последние избы села Пермское, бережно хранимые первостроителями города. Снесена была память о простых русских людях, теплом сердец своих обогревших этот суровый таежный край.

Переименование улицы Щеглова я решительно не принял, как и большинство строителей города. Понятно, почему переименовали проспект Сталина в проспект Мира, а вот изменение названия улиц Щеглова, Чкалова ничем не оправдано. Тут только исполнительность бюрократического аппарата сработала. "Приказано переименовать... будет сделано!" А чтобы начальству угодить, так к "культу" отнесли чествование знаменитого строителя и знаменитого летчика. Для страховки, словом. На протяжении почти тридцати лет я не устал обращаться в разные инстанции, чтобы улице имя Николая Щеглова вернули. Куда я только не писал. Писал и Брежневу, и Тихонову. Это ко-

гда от всех других инстанций получил пачку унылых ответов о "нецелесообразности" в связи с трудностями переадресовки..." "переименование считать неактуальным" и т.д. Целую папку ответов накопил. Изучил, так сказать, всю бюрократическую технику "отфутболивания". А она в период застоя доведена была до совершенства! Испытывая горечь, я иной раз просто-таки восхищался дьявольской хитрости администраторов. Эти способности да приложить бы к полезному для людей делу...

И вот первый проблеск решения проблемы. В 1986 году на мое очередное письмо о переименовании горисполком ответил согласием вопрос рассмотреть, всесторонне обсудить и дать по возможности, конечно, положительный ответ. Вопрос откладывался целый год. А я не дремал: выступал на разных совещаниях, на сессии Совета, дважды выступил с замечаниями по этому поводу в городской газете. Однажды меня пригласили в горисполком. Секретарь исполкома, женщина вежливая, отзывчивая, сказала мне, протягивая плотный лист бумаги с печатями и штампами, с размашистыми подписями. Принимаю лист, а сам ей в глаза смотрю с тревогой: "Очередной отлуп?"

- Нет, - поняла мой немой вопрос секретарь, - На сей раз победа! На всех инстанциях приняты соответствующие постановления и улице имя Щеглова вернули. Так что поздравляю, Михаил Иванович, это решение я передаю в райисполком, там все дооформят. Так что держите связь с председателем райисполкома.

Теперь я стал ходить на работу и с работы по улице Щеглова, хотя для этого и приходилось делать порядочный крюк. Я ждал, когда появятся новые таблички на домах с именем Большого Мастера, а на угловом доме, как три десятилетия назад, поставят памятную доску. Радовался, когда, старые таблички были сбиты. Но проходили дни, а новые таблички не появлялись, не устанавливали и памятную доску, хотя она была отлита из бронзы, сам видел, руками трогал.

Однажды позвонили из райисполкома:

- Исполком приглашает вас, Михаил Иванович, на торжественный митинг, посвященный...

Мог бы не продолжать. И так ясно: митинг по поводу восстановления улице имени каменщика Щеглова. В назначенный час я привел на тихую улочку всю бригаду. Постарался, разы-

скал дочь Николая Щеглова, тоже пригласил. Народу собралось порядочно. Были тут люди лично знавшие Щеглова, были люди молодые. Оркестр пришел. Все чин по чину. Но начальства района нет. Беспокоюсь, а все меня спрашивают: скоро ли? Вроде я самый тут главный распорядитель. А что, а почему и не главный?! Подзываю Волкова, говорю ему:

-Бери, Вася, мою "Волгу", вон за углом я ее поставил, и шпарь за председателем райисполкома. Скажи люди ждут. Позор, мол, форменный получается. Знаешь, что сказать.

Приехал председатель на своей машине. Не вылез, объявил, что митинг переносится. Не все готово, мол. Когда все же митинг состоится? Этого он не может сейчас сказать. "Надо все хорошенько обдумать..." - отделивается председатель дежурной фразой.

Уехал председатель. Народ разошелся. Я стоял и смотрел на прикрытую мешковиной покрытую памятную доску на стене, на отметины от сорванных табличек. Новые так и не были приделаны. Может об этих табличках и говорит председатель "не все готово"?

Дело оказалось куда серьезнее. Оказывается, узнав о переименовании, Чумаков накатал в райисполком "разоблачительное письмо". Он называл Щеглова выскочкой, развратником и пьяницей. "Об этом известно всему городу, - патетически восклицал Чумаков - Жену обижал. И никакой он не новатор. Показуха. Она процветала во времена застоя..." Такую, словом, петицию накропал с перестроечных позиций, с таким благородным негодованием.

Надо хорошо знать Чумакова, чтобы не обмануться. И в райисполкоме заколебались: "А может все правда? А мы пьянице памятник-улицу?"

Наверно никогда я не развивал такую бурную общественную деятельность, как в эти скорбные для меня дни. Снова были выступления в городской газете, собирались по этому поводу ветераны города. Встали на защиту памяти своего товарища рабочие нашей стройки. И клеветник Чумаков был посрамлен. И вот я стою со своими ребятами на вновь созванном митинге. Рядом плачет счастливыми и печальными слезами дочь Щеглова. И жмет мне руку председатель райисполкома, хороший все-таки парень, молодой, потому и поверивший Чумакову. Играет оркестр гимн и падает

покрывало с бронзовой доски. Люди говорят прочувственные слова, держу речь и я, с трудом сдерживая слезы. Гляжу на народ, на дома с табличками, на белом фоне которых яственно чернеют буквы "Н. Щеглов".

Отныне, когда есть малейшая возможность, я хожу по улице Щеглова и с чувством исполненного долга, большого удовлетворения, читаю новенькие таблички, скромное повествование о жизни каменщика на памятной доске. Я люблю рассказывать при случае молодым комсомольчанам о том, кто был Щеглов.

Иногда только укольнет душу увертка бюрократов, хотя и немножко, но плеснувших деготьку в это благородное дело памяти нашей. Чья-то рука, составлявшая постановление, вместо слова улица вывела поскромнее "переулок". Хватит, мол, каменщику и переулка...

А народ этого не замечает. И как все тридцать лет до этого, так и теперь говорит: улица Щеглова.

6. СОР ИЗ ИЗБЫ

Идет мокрый снег. Час постоишь на верхотуре, одежда становится влажной, руки мерзнут. Самый скверный для каменщика месяц апрель, да еще в первой декаде. Потому и сумрачны все сегодня, работают молча, раздражаются по пустякам. И погода ни к черту, и кирпича явно не хватает сегодня, облицовочной плитки тоже мало. Послал Волкова позвонить снабженцам. Мастеру Эдику этим заниматься, да толку с Эдика... Кто его слушает. В отделе комплектации сидят еще те ребята, Эдику их не пронять. У них не болит душа за дела наши и беды. Обычная, каждодневная, до ломоты в зубах надоевшая канитель. Спрашивается, почему мы, каменщики, строители домов, должны куда-то звонить, вечно чего-нибудь выпрашивать, кланяться, прямо-таки заискивать. И все для того, чтобы получить тысячу другую кирпичей. Ну не мерзость ли это?

Наконец появился Волков. Вынимает из кармана газету, подает с торжествующей улыбкой, говорит:

- Читай. На первой странице.

- Указ какой?... спрашиваю, разворачивая газету. На первой странице, где обычно помещают передовицы, на самом почетном месте моя заметка под заголовком, набранном жирными буквами: "Выйдет, не выйдет?" Выйдет!" И моя фамилия. Здорово! Из текста заметки взяли газетчики фразу для заголовка, у меня его вообще не было. Очень подходящий получился заголовок. Читаю статью, вроде бы сильно сократили, чуток подправили. Смысл сохранен, все как у меня было. И злость сохранена. А я, грешным делом, думал: побоятся дать все, как я написал. Я уже много лет посылаю заметки в редакцию и привык, что их урезают, если критика остра. А еще чаще шлют на расследование, нередко к тому же, кого критикуешь... Оно конечно, перестройка сейчас идет, но полагал я, что заметка моя может пойти по накатанной дорожке проверок и согласований. Выходит: время другое, люди осмелели, осмелела газета.

- Статья твоя вызвала шок кое у кого, - посмеиваясь сказывал Волков. - Чумаков вслух читает, комментирует. Молодец, Михаил Иванович, справедливо наше начальство разделал.

Чумаков прокомментирует... А другие? Как примут критику большинство? Время-то оно, конечно, другое, но люди те же.

Трусишь, Куликов? Да не трушу я, хотя и есть смятение в душе. Надо же когда-то включаться по-настоящему в драку за справедливость. Без яростного спора не обойтись, без готовности башку свою подставить под удар. А может лучше бы не писать, не высовываться? Нехай его идет, как шло... Вот-вот, то-то будет доволен Чумаков и иже с ним. "Не твое дело, Куликов". Ну уж черта два, Чумаков, врешь, мое это дело.

В конце дня меня и Волкова пригласили на подведение итогов соревнования за первый квартал. Наша бригада поработала неплохо, хотя, признаться, могла бы гораздо лучше. Но в ряду середнячков и отстающих мы выглядим вполне прилично. Почти прилично. Туманов подпортил нашу репутацию, прогулял опять, собачий сын. Ну что ж, что есть, то есть,

Совещание как всегда открыл секретарь партбюро Иван Петрович. Он из тех номенклатурных работников, которые звезд с неба не хватают, выше инструктора райкома не идут. Таких потом пристраивают на стройке, на заводе, в учреждении каком-нибудь на должность, особых знаний не требующей. Умей подладиться к начальству, угадывай его волю и желание, до пенсии доживешь без хлопот. Таким работником и был наш Иван Петрович. Прежние начальники нашей стройки ценили его за эти качества, и Шерстнев ценит.

Год назад, до Ивана Петровича, секретарствовала Марья Петровна, инженер наш. Они у нас оба попеременно принимают бразды правления парторганизацией. И если один становится секретарем, то другой его замом. Такая вот ротация кадров... Марья Петровна во всем подражает Ивану Петровичу. И тоже держит впрямую или косвенно сторону администрации. На стройке шутят: "Нашей парторганизацией руководит Иван-да-Марья". А Шаргородцев, остролов, сравнивает эту пару с детской игрушкой "Медведь и мужик". Потянешь палочку - медведь стукнет по наковальне молотком, потянешь снова - мужик вдарит*. "Сильные руки" уже много лет "играют" этой парой. А мы, коммунисты, скажете, где были? Да нам вроде бы все равно было... Кто ни поп, тот и батька, лишь бы не мне хлопотная нагрузка.

Чумаков, наш профсоюзный вождь (персонаж второй игрушки), скучным голосом зачитал проект решения по итогам соревнования. Выходило, что моя бригада на втором месте.

Вторая бригада вышла вперед. Хотелось поспорить, по моим расчетам у нашей бригады показатели повыше. Но Туманов! Правда, и во второй бригаде один в вытрезвитель даже угодил, но и нашей бригаде нечем хвалиться, промолчал я.

Решение на сей раз быстренько и согласно утвердили. Я встал было, чтобы уйти, но Иван Петрович предостерегающе поднял руку.

- Михаил Иванович, прошу остаться, есть еще один вопрос...

- Какой? - любопытствовал я.

- Сейчас узнаешь, какой. - ехидно заметил Чумаков.

Иван Петрович извлек из папки газету, показал собравшимся, спросил с осуждением в голосе:

- Читали статью в сегодняшнем номере? Давайте обсудим. Кто желает высказаться?

- Сам-то ты какого мнения? - спрашиваю секретаря.

- Я еще скажу, не спеши.

Знал, что заметку мою встретят не с улыбкой, но что с такой яростью - не ожидал. Набросились на меня как пчелы на медведя. Один Вася за меня, но против его семеро. Шерстнев же вроде и нейтрален, но нейтралитет этот явно в пользу моих противников. "Раздолбон" начала Марья Петровна. Она любит выступать первой. Голос ораторши звенит от негодования как струна:

- Никогда не думала, что Куликов способен клеветать на родной коллектив, который воспитал его. Да, да, клевета, нечего тут дипломатничать. Вы только послушайте, что он тут пишет. Сам заголовок статьи зловредный, товарищи. Это мы все, собравшиеся здесь, гадаем: выйдет, не выйдет? Сложь руки сидим! Один только Куликов, выходит, болеет душой за перестройку.

- Ошибаешься, Марья Петровна, не один, - возражаю я.

- Прошу не перебивать! - отмахивается ораторша и продолжает: - Вот тут прямо об этом: "Время торопит, требует работать по-новому. Оно поистине революционно. Кое-кто, замечая я, произносит слово революционное вроде как бы стыдась, не веря в то, что губы его произносят. Такие люди были и в далеком семнадцатом году - обыватели, выжидатели... "Выйдет, не выйдет?" Вышло. Выйдет и теперь!"

- Как вы можете, товарищ Куликов, оскорблять нас всех тут вот сидящих, людей заслуженных, называть нас обывателями, выжидальщиками? Кто вам дал право?!

- Почему здесь сидящих, - вмешиваюсь я. - Я пишу "кое-кто". Если кто узнает себя в этом "кое-кто", то я тут причем?

- Ты нам шарики не крути, не дурнее тебя, - сердится Иван Петрович. - У тебя вся статья "кое-кто" и "кое-что", ничего конкретного.

- Нет, уж ты постой, - сержусь теперь я. Все у меня очень даже конкретно. Возьми те же подмости... Зарыли в землю тысячи рублей народных денег...

Говорю, а у самого внутри кипит все. Вот уж полгода на ломаных подмостях работаем, латаем каждый день. Того и гляди, ребята кости поломают, сверзятся с таких подмостей. А недавно два десятка новых подмостей зарыли в землю. Лежали они возле выкопанной траншеи. Стали зарывать траншею землей бульдозером, вместе с землей и подмости перемололи в щепки. Когда я увидел такое варварство, звонить стал нашему главному инженеру. "Приеду, разберусь", - вяло ответил он. Не приехал. Зарыли подмости стервецы бульдозеристы. Регочут только, бесстыжие, любо дуракам, как под ножами доски хрустят. Откуда такое рабское равнодушие к народному добру? Небось еще комсомольцы бульдозеристы эти. Хотя что это я - откуда. От нас всех. Десятилетиями нас всех приучали по-глупому соблюдать государственный интерес. Боясь, что кто-то воспользуется, мы сжигали горы ящиков, разной другой тары, бумажной макулатуры. Мы дробили (и дробим) чуть попорченные телевизоры и другую радиотехнику. Мы меняем в разных учреждениях мебель, а старую, годную еще, но не модную, также сжигаем. А сколько зарываем в землю металла, годных строительных материалов! И на все это дети наши взирают с младенческого возраста. Их можно увидеть повсеместно во дворах, жгущих в кострах книги, мебель, выброшенную на помойку их родителями, давно разучившимися делать малый ремонт этой мебели, обуви, одежды, любой домашней вещи. Выскочил винтик из детского велосипеда, детской коляски, и вещь выбрасывают на свалку. Словом, крепко заражена молодежь, да и многие те, кто постарше, болезнью тотального уничтожения нужных вещей - материализованный труд человека.

Чуть отвлекся, прослушал вопрос, который задал мне Чу-маков. Он недовольно повторяет:

- Ты тут пишешь, что стройка наша выглядит сонным царством. Это же клевета. Грязь льешь на коллектив.

- Пишу правду, Чумаков.

- Правдоискатель нашелся! Демагогией занимаешься, Куликов. Противопоставляешь себя руководству. Анархист ты, Куликов. Он что тут пишет, - жест в сторону слушателей. - Он утверждает, что львиную долю плана в стройуправлении делают только две бригады каменщиков. И что выходит их, каменщиков, должны все обслуживать. В том числе и инженерный корпус. Однако вниманием каменщиков не балуют и так далее.

- И сейчас скажу: не балуют, - вмешался я. - Сейчас заканчиваем дом, а что станем строить завтра, не знаем толком. Куда это годится? А простой? В прошлом месяце неделю мусор мели, подмости ремонтировали. Где же перестройка? Сонное у нас царство. Начальство последнее время на стройку носа не кажет. Разве это не выжидание? Не упование на авось?

- Выходит начальство - для битья. А ты соль земли? - повел на меня сердитыми ястребиными глазами Шерстнев. В голосе ирония.

- Да, я - соль.

- А мы, управленцы, вроде сбоку припеку, - голос Шерстнева креп, наполнялся сдерживаемым гневом. - Мы не нужны, выходит?

- Не сбоку, а в одной упряжке, - злясь на всех в эту минуту, возражаю я, - Только не дружно воз тянем. Уж если говорить о самомнении, то им, излишним, страдают управленцы. Элита, как же! Знакомая болезнь, застарелая, запущенная. А такую болезнь трудно лечить...

- В одной упряжке... - пробормотал Шерстнев, криво усмехаясь. - По-твоему управленцы - враги рабочему?

- Нет, все мы союзники. Одно дело делаем. Только к гласности надо привыкать, к демократии.

- А ты как ее понимаешь, демократию? Что хочу, то кричу?

- Правильно понимаю, Шерстнев, правильно, - отвечаю. - Как диалог равных.

- Интересно, интересно, как же ты этот диалог себе представляешь, - на лице Шерстнева неподдельное любопытство.

- Это когда спокойно оба собеседника выслушивают друг друга, разумно подходят к общему правильному решению. Общему. А не как во времена застоя да и сейчас: один только приказывает, другой беспрекословно выполняет, все время руку под козырек держит, да ест глазами начальство. Бездумно выполняет. Думать отучили рабочего человека о своей работе. Вот сейчас вы навалились на меня. А все потому, что свое мнение посмел высказать. Сор из избы... Спокойно жить мешаю. Да разве я одинок? Поймите, не будет теперь спокойного житья, дорогие мои критики. Время не то. Застой кончился.

- "Под козырек", "демократия", "диалог", наговорил ты тут нам, Куликов. Теоретик... Да еще и публицист к тому, - медленно заговорил Шерстнев, потирая крутой лоб. - Не все ты, дорогой в демократии понимаешь. Ею надо еще уметь пользоваться.

- Да уж как-нибудь осилю, - отвечаю. Уйти, махнуть на все рукой, пусть остаются при своем мнении? Нет, так не годится. Говорю Шерстневу:

- В демократии и ты не все тянешь, Шерстнев. Ты хотел бы для себя ручной, покорной демократии. Чтобы не критиковали, не спорили, а только почтительно слушали начальство. Ты из тех, Шерстнев, кто всерьез думает, что для демократии время не подоспело. Что демократия дорогая слишком игрушка, ее нельзя давать в руки несмышленишей рабочих - поломают, что демократия вроде спичек в руках детей.

И не настраиваю я рабочих против администрации. Я помогаю управленцам крепче стать на ноги.

- Что с ним ласы точить, не понял он ничего! - вмешался Чумаков, уловив паузу в беседе. - Надо дать по рукам! Предлагаю объявить Куликову выговор за ложную информацию и подрыв авторитета руководства стройки.

- Вот он учит нас как жить, а сам шибко честный, - встряла Марья Петровна. - Партбилет бросал на стол в парткоме. Распоясался! Явно политически незрелый человек.

- Не бросал я билет, - говорю как можно спокойнее. - Заявление подавал и написал, что с проходимцем не хочу быть в одной партии. Но потом забрал заявление, ошибку признал.

- Нет, вы только посмотрите на него! - взвизгнул Чумаков. Как все легко и просто: подал, забрал... Не хочет с нами быть в партии. Гнать надо таких метлой... Рабочим званием прикрывается. Мы тут все из рабочих, если на то пошло.

Понесло, прорвало Чумакова. Прямо-таки пламенный пророк, обличающий нечестивых Ну, трепач! Вспоминаю я тот случай, когда написал то злосчастное заявление. Секретарь парткома треста тогда на меня руками испуганно замахал: "Ты что, одурел, Михаил Иванович?! Какой пример молодым коммунистам подаешь. Забери заявление и крепко подумай". Забрал, подумал. Понял: погорячился я. А ведь было из-за чего. Было! Как вспомню, душа горит. Приехал на стройку по путевке ЦК комсомола красивый парень. И работать мог. Стал бригадиром. В партию приняли. Женился на молоденькой малярыше, тоже комсомолка. Дочь народилась. И вдруг узнаю я, что красавчик там, на Украине, жену молодую с ребенком оставил. Сразу противен мне стал этот стрекозел. Год прожил со второй красавчик, ушел к третьей, женился. И там ребенок. Потом на четвертой женится! А ему ничего, как с гуся вода. Выступил я на партийном собрании, требую, чтобы исключили мерзавца из партии. Пачкает он партию своим грязным поведением. "Нельзя, - говорят, - все же по путевке ЦК ВЛКСМ... Сам Брежнев отряд добровольцев провожал... Тень на высокое дело... А работник он хороший. Вот тогда я и взбеленился: с мерзавцем в партии?! Накатал заявление. Не выход, конечно, теперь-то вижу, а тогда гнев и отчаяние глаза застили.

- Чумаков, - остановил я расхажившего оратора. - Ты передохни маленько. Ты вот тут кричишь: не учи нас. А почему бы и у меня не поучиться? Я все же постарше тебя, шестой десяток на свете живу и кое-чего повидал в жизни, кое о чем крепко подумал. Да ты слушай, не перебивай.

- Чумаков, остынь, - придержал его Шерстнев.

- Я в прошлом месяце на краевом совещании был в Хабаровске. Водили нас в театр на "Вишневый сад"...

- Ты по существу! - как на шиле крутится Чумаков.

- По существу и есть. Там в конце спектакля на опустевшей сцене появляется старый слуга. Дернул двери, заперто. "Про человека забыли", - говорит печально старик.

- Не уводи в сторону разговор! - не унимается Чумаков.

- Нисколько! Так вот и вы, большинство из собравшихся здесь, забываете о человеке. Не нужен он вам, конкретный. Нужен списочный состав. План в первую очередь вам нужен. За планом не видите человека. Потому и мнение его вам не нужно. Только мнение начальства вышестоящего. Только бы галочку поставить, отчитаться красиво. Вы о начальстве думаете и тогда, когда с трибуны произносите: "Все для человека".

Навалились на меня Чумаков, Иван Петрович и Марья Петровна, главный инженер подключился. Всыпали бы мне. Заступился Шерстнев. Он сказал, что я мог написать в газету. "Это его право, товарищи. Не со всем я согласен, но он мог так написать. Гласность все же, демократия. Считаю, что надо ограничиться обсуждением. Посоветовал бы я товарищу Куликову впредь консультироваться с руководством стройки, прежде чем обращаться в печать. Там ведь тоже иногда любят сенсацию, жареные факты, как говорится".

Чумаков и Марья Петровна особенно недовольны, что ускользнул я от "расплаты". Так хотелось им вклеить мне выговор, благо члены бюро были почти в сборе. Но Шерстнев, хотя и не прочь бы закрыть мне рот (зачем ему гласность!), не захотел прослыть консерватором. Что и говорить, умный мужик.

После совещания Шерстнев пригласил к себе в кабинет. Мотнул головой: "Садись". Сам сел за стол, поискал в ворохе бумаг что-то, потом взглянул на меня настороженно, спросил запросто так, по-домашнему:

- На пенсию скоро?

- Да уж маячит, - отвечаю. А ты что, торопишь?

- Да нет же, не так понял, - сделал обиженное лицо, быстро отозвался Шерстнев. - Все-таки возраст, может полегче работу подыскать? Пенсия-то у тебя все равно самая высшая будет.

- Пока кирпич из рук не валится. Буду каменщиком, - говорю Шерстневу. - За заботу благодарю.

- Ну, ну, ты не обижайся. Как хочешь.

Шерстнев встал из-за стола, начал ходить по кабинету.

Вижу, нервничает мужик. Остановился против меня, набычился, смотрит испытующе, говорит раздумчиво так:

- Ты как думаешь, получится у нас с перестройкой?

- Получится, Шерстнев, обязательно, отвечаю убежденно. Но честно - не знаю иногда - как. Ведь мы все как встретили

весть о перестройке? Мы ведь привыкли к командам сверху. - Вот и думали, что все нам распишут по параграфам и зашагаем мы по этим ориентирам по новым маршрутам к светлому завтра. А оказалось, что самим надо думать, как шагать, каждому мозгами шевелить.

Слушал молча, не понять было: согласен или нет с моими доводами.

Когда я уходил из кабинета, Шерстнев спросил вдогонку:

- Будешь писать?

- Если будет повод, буду, - честно признался я.

8. КОМУ ЛОВИТЬ ТИГРА ?

Иду с работы, а солнышко по-весеннему еще высоко. После зимних сумерек (утром - темно, с работы вечером - темно) чувствуешь себя неловко, будто раньше времени сбежал со стройки. Голубое небо с ватными облачками отражается в дождевых лужах на асфальте. Иду по белым бетонным плитам тротуара и думаю о том, как совсем недавно собирал на этом вот месте голубику... А нынче девятиэтажные дома зашагали отсюда аж к берегу озера Мылки. Теплеет на душе, когда подумаешь, что и ты принял участие в сооружении этих красавцев домов на полтысячи квартир каждый. За всем великолепием проспекта Первостроителей, который украсил бы любой столичный город - годы тяжелого труда. Многие миллионы кирпичей перенесены из штабелей и умело уложены в стены. Да прибавь к этому целые караваны самосвалов с раствором. И выходит: сотни тысяч тонн перемещены здесь руками рабочих в разных направлениях, чтобы потом разумно застыть в этих высоких и торжественных зданиях с аркадами, балконами-лоджиями, гранитом цоколей. Как не гордиться этим титанически коллективным трудом, своей причастностью к труду этому!

У подъезда своего дома повстречал Писателя. Несмотря на тепло, он в дубленке, каракулевой шапке с козырьком, из-под которого торчат седые волосы. Блеснул очками, заулыбался искренно.

-Привет рабочему классу! - воскликнул он, хлопая по плечу крепкой еще ручищей. - Весьма рад тебя видеть.

И я рад. На много лет старше меня писатель, а я чувствую себя с ним свободно, вроде мы одногодки. Писатель вместе с Большим Мастером с путевками ЦК ВЛКСМ приехали на Амур в далеком тридцать втором. На одной стройке работали. Крепко дружили. Писатель сперва был рабкором, потом взяли его в городскую газету, стал журналистом. Долго там сотрудничал и часто бывал в бригаде Большого Мастера. Был он тогда молод, без одышки поднимался к нам на пятый этаж, да еще по деревянным сходам. Это уже потом готовые лестничные марши стали краном ставить. Понятно, разбирался хорошо в тонкостях строительного дела, писал остро. Его статьи помогали нам, строителям. Потому ребята всегда встречали газетчика радушно:

"Пресса идет!" А потом он книги стал писать. Стали его уважительно и с заметной гордостью (наш земляк, строитель) звать Писатель. Но он не забывал стройку. Реже, конечно, но приходил к нам в бригаду, переданную в последствии мне Большим Мастером.

- Я все собираюсь к тебе. И на стройку и домой. Примешь?

- Дорогим гостем будешь, - говорю. Да вот хоть сейчас. Этот подъезд, четвертый этаж... Можно на лифте... - перечисляю не без хвастовства.

- В бараке долго клопов кормил? - шурится Писатель.

- Лет пятнадцать.

- Долгонько... Две комнаты? - косит улыбчивый глаз.

- Четыре не хочешь! И лоджия. И телефон. И несомненный... - перечисляю я.

- Ты смотри! Министр! - радуется Писатель. - А что? Заслужил. Все правильно. Это и называется социальная справедливость.

- Не всегда она срабатывает, справедливость-то, - вздыхаю. - У меня вот один из бригады недавно ушел в другой трест. Жилье там пообещали. У нас двенадцать лет вкалывал, в одной комнатухе вчетвером живет. Учил парня, мастер хороший стал, жалко. Не дали квартиры, ушел.

- С жильем туго, - замечает Писатель.

- Верно. Но и то, что есть, разумно надо распределять.

Жена была дома, захлопотала чайку для редкого гостя.

Писатель восхищался простором моих апартаментов. Еле оторвал его от книжного стеллажа. Он снимал с полок одну за другой книги и возбужденно восклицал:

- Горький! Тридцать шесть томов? Здорово! Шекспир... Бальзак... Лев Толстой. Алексей тоже есть? Ах, вот он. А эта полка - дальневосточникам нашим. Мои есть? Ага! А последнюю мою читал?

- Читал, - отвечаю, наливая гостю чай.

- И как?

- Если откровенно?..

- Только так!

- Если откровенно, то что-то ты не договариваешь! Так мне показалось, - рискнул я напрямую. И принялся высказывать

свои соображения. Внимательно слушал Писатель, а потом сказал:

- Ты прав, Куликов, есть в книжке места такие, с трещинами, и "недожог" есть, как ты метко выразился. Есть тут моя вина, а есть и редакторов. Осторожный и старомодный редактор ее редактировал. Он выбросил главу, в которой рассказывалось о беспризорном детстве героя, о том, как он впервые увидел море, о матросе чекисте, приведшем паренька в детский дом. Сказал: "Разжалобить хочешь? Не звучит это сегодня, в наше светлое время". Выкинул трагедийную главу о том, как у героя (ты его немного хвалишь) умирала маленькая дочь. "Надуманно, неправдиво, неуместно, - бурчал сухарь-редактор. - На фронте в ту минуту люди гибли тысячами, а он о ребенке плачет". Вот такие пироги. А ведь по авторскому праву ни одного слова в рукописи без разрешения автора выбросить нельзя.

- Что же ты не воспользовался своим правом? - интересуюсь.

- А ты всегда им, правом, пользовался? Ну вот, то-то!

Засиделись допоздна. Писатель говорил о новой книге, над которой трудился. Герой рабочий человек. Он вводил меня в свою мастерскую, знакомил со своей методой.

- Мой герой - рабочий, - рассказывал Писатель, прихлебывая чай. - Я уже во всех измерениях вижу его. Но, понимаешь, не могу я писать только по воображению. Мне из жизни надо брать обязательно. Мне надо показать героя не только как мастера, но как гражданина, как личность. Показать и как он относится к искусству, например, что читает, как понимает живопись, театр. Что признает, что отвергает. Вот ты, поможешь мне?

- Идет, - соглашаюсь. - Ты пей чай.

- Какие главные проблемы сейчас тебя, в эту минуту, волнуют? - спрашивает гость.

- Производственные?

- Ну, хотя бы для начала, - поощряет Писатель.

- Проблем в жизни хватает, - говорю. Ну а если такие, которые особо тревожат, то - старятся каменщики. Уходят на пенсию мастера, а молодежь неохотно идет строить дома. Текучесть большая в бригаде, да и вообще на стройках. А на труде каменщика вся стройка держится.

- Я это замечаю, падает престижность основных строительных профессий у молодежи, - задумчиво говорит Писатель.

- Может платить больше?

- Каменщик и так до полтысячи в месяц получает. Тут нужны меры в основном морального порядка, - высказываю предположение.

- Пожалуй, ты прав, - соглашается Писатель. - По-новому надо соревнование организовать.

- И это. Но главные виновники падения престижа профессии строителя вы, писатели, журналисты.

- Ну, ты это загнул! Мы-то причем?

- Может, конечно, перебарщиваю, но вина ваша есть. Хотя ты и гость, но решил напрямик высказаться, что я думаю о нынешней литературе. Так вот слушай. Я покупаю толстые журналы, "Роман-газету". Многое из новых произведений читаю. Но нет в них героя рабочего человека. Если производственная тема, то тут чаще директор, начальник стройки, главка, главный инженер. Возле него, чтобы правдоподобнее выглядело, один, два персонажа из рабочих, дальше шевелится безликая массовка. Читаешь такие вещи и думаешь: боятся писатели брать в главные герои рабочего, считая, наверно, что у него нет нужной широты и глубины мышления, нет масштабности бытия.

Ну директор, главный инженер куда ни шло, ладно, они решают важные вопросы нашей жизни, экономики, социальные вопросы. Да и вышли, как правило, из рабочих. Хуже, когда в повестях, романах, рассказах косяком идет герой: неудавшийся художник, такой же артист или режиссер, женщины и мужчины неопределенных занятий, с неопределенными целями жизни, смахивающие на заурядных бичей. Есть торговцы, проводники поездов, не чистые на руку. И еще, прости меня, бесталанные писатели. Все они чего-то ищут, мечутся, ноют, путаются под ногами настоящих работников. Другого автора так занесет, что ущербного своего героя, любовно так выписанного, он помещает в роскошные квартиры, и мелькают на страницах шелковые халаты, коньяки, торшеры, шикарные костюмы. Автор вроде всем этим хочет сказать: "Осуждаю", а я, читатель, вижу: любитесь автор, может даже завидует своим персонажам. Книга нужна всем, но в первую очередь книга нужна молодому, совсем юному человеку, ищущему в книге ответ на вопрос "делать

жизнь с кого?". С этих бесхребетных теней? Ни в коем случае! Значит, такие книги пишутся для скучающих дамочек, проедающих деньги почивших вельможных мужей, для болтающихся в жизни, как дерьмо в проруби, лощеных мужчин и женщин, непонятно чем кормящихся, настоящих тунеядцев с моей рабочей точки зрения.

- Стой, стой! - с изумлением и укором смотрит на меня Писатель. - Не туда тебя, брат, повело. Ты же сам сказал слово "осуждаю". Книги эти осуждают, клеймят все негативные стороны нашей жизни. Они в основном имеют сатирическую направленность. Так что воспитывают, как говорится, от противного.

- Не должна же вся литература идти от противного, - не сдаюсь я. - Нужна книга, которая бы учила молодого человека жить сегодня, жить по правде, жить высоко, ценить настоящее дело, а не видимость его. Чтобы учился хорошему примеру семейной жизни, верной любви, а не отравлял неокрепшие еще мозги супружескими изменами, не развращал его "растегиванием пуговичек" и прочей клубничкой, полупохабщиной по выражению Маяковского. Даже и словцо придумано блатное "оживляж", слышал я его от одного писателя на литературном вечере.

- Ты прав, нужен положительный герой, положительные примеры жизни, - согласился Писатель. Он смотрел на меня с некоторым изумлением. - Ты, брат, жаришь, как заправский критик.

- А ты думал? Не лаптем щи хлебаем, - посмеиваюсь я, хотя мне приятна похвала Писателя. В то же время она меня обижает. Я тороплюсь высказать Писателю все, что я думал о нашей литературе последних лет.

Умный мужик Писатель. Преодолевая корпоративную солидарность, он начинает соглашаться со мной, делясь своими взглядами на героя.

- ...Нужен положительный герой и желательно рабочий... Наша советская литература начиналась с романа "Мать", героем которого стал сормовский рабочий. Герой книги рабочий, написанной еще до революции. Да и потом лучшие наши книги населялись героями рабочими: "Цемент", "Доменная печь", "Соть"... Но вот все чаще замелькали герои интеллигенты, или

кажущиеся такими. Может некоторых из них можно воспринимать как вчерашних рабочих в развитии?

- Ну, эти тонкости ничего еще не объясняют, - перебил я гостя.
- Мы говорим - и справедливо, - что рабочий класс - передовая часть нашего общества, его авангард. Разве мало в этой передовой части героев, достойных, чтобы им подражали, ими гордились.

Мало пишут таких книг наши дальневосточные писатели. Со времен Арсеньева они больше тяготеют к таежной экзотике, чем к нынешним злободневным проблемам. Ты посмотри, кто герои большинства книг наших земляков: это люди романтических профессий, хорошие люди, - тигроловы, оленеводы, рыбаки, собиратели женьшеня, голубики, других даров тайги, лесные пожарники. Об этих людях, конечно, писать надо. Но задача литературы, как я ее понимаю, не брать только что экзотично, выигрышно, сюжетно, читабельно, а и поучительно, подсказывающее читателям главные проблемы дня. Похоже, писатели берут пример с плохих строителей, норовящих побольше и побыстрее "освоить" рублей, снять сливки, а там трава не расти. По бумаге сработали хорошо, премию отхватили, на деле - в доме жить нельзя. По книгам можно подумать, что на Дальнем Востоке только тем и занимаются, что ловят кошек, уссурийских тигров, млеют над чудом женьшеня, обнаруженным в таежной чащобе, срезают с оленя панты (не встречал еще человека, который бы ими лечился...). Между делом эти герои вяжут браконьеров и выводят их на чистую воду. Эти книги нарасхват и выходят вагонами.

- Ну вот, значит написаны талантливо, значит нужны читателю, - подхватил Писатель.

- Согласен. Но где книги о главном герое нынешнего Дальнего Востока: корабеле, самолетостроителе, сталеваре, горняке и химике, о нас, строителях? Они сейчас главные преобразователи жизни нашей восточной окраины страны. Иные писатели спокойно жуют проблемы полувековой давности, а ведь земля наша дальневосточная уже не та. Ты посмотри: в районе, где полста лет назад жили несколько сотен охотников и рыбаков, ныне выросли Комсомольск, Амурск, Солнечный... За полмиллиона население перевалило. И какое население! Цвет индустрии Дальнего Востока. Все умеют, все могут рабочие, инженеры, мастера своего дела.

Где о них современные книги, такие же хорошие, как, например, "Далеко от Москвы", и такие же талантливые, как те же "Тигроловы".

- "Сочтемся славою - ведь мы свои же люди... - продекларировал Писатель. Я подхватил:

- "... пускай нам общим памятником будет построенный в боях социализм". Маяковский не против славы, я думаю. Он просто предлагает не хвастаться своей славой, не ставить ее выше славы другого. Мне кажется, что надо не обделять заслуженной славой не только тигролова, потому что профессия у него редкостная, но и сталевара, который стальную основу подводит под здание державы нашей.

Здорово пишет автор о тигроловах, читаешь залпом. Сочувствуешь старому охотнику, что сыновья его не хотят перенимать его опасную профессию. Автор молча осуждает сыновей, а я их понимаю. Бесперспективная у тигролова профессия. Нет повода скорбить. Много ли надо тигроловов на стадо в три сотни голов? И все они паспорт имеют, чуть не с биркой на шее, все ухожены, в красную книгу записаны. Не тигроловы, выходя, нам нужны, а умные охранители этого зверя.

Хотел бы я, чтобы с таким же талантом написали книгу о каменщике, чтобы подростка тянуло на стройку. Вот то было бы полезное, государственное дело. Чтобы, прочитав книгу, юноша загорелся желанием повторить судьбу строителя, сталевара, монтажника, горняка. Ведь они составляют 99 процентов населения Дальнего Востока. Они создают невиданную интересную и деятельную жизнь на побережье Тихого океана. А вы, писатели, тащите молодого человека в тайгу собирать ягодки, отлавливать перепуганного тигра. Зови, на равных хотя бы, к мартену, на новостройку, в шахту, да поувлеченнее, чем к тигроловам.

- Ну дались тебе тигроловы, - посмеивается Писатель. - А ты учитываешь свободу художника, свободу выбора предмета будущей книги, темы? Я вот тоже, как ты, высказал мысль, что некоторых способных молодых писателей надо бы направить на путь освещения более важных проблем дальневосточных. Ну и героев соответственно подбирать. Мне на это один авторитетный писатель сказал: "Старым авторам перестраиваться трудно, а молодые... Если они нацелены на тигра, на экологические проблемы, пусть работают." - "А социальный заказ?" - спрашиваю.

"Писать по-принуждению?" - "Не по-принуждению, - отвечаю. - Писать, как говорил Шолохов: "Я пишу по велению моего сердца, а сердце мое принадлежит партии".

- Вот и советуй своим коллегам, чтобы так писали.

- И ты советуй, читатель. Да понастойчивее. Не заглатывая без разбора, что напишут...

мне:

Когда совсем засобирался уходить домой, Писатель сказал

- Все, что мы с тобой говорили сегодня, полезно. И для меня и для тебя, между прочим. Ты вот критикуешь недостатки правильно. В이니шь литературу, администрацию, общественные организации... Но не слышал я от тебя сегодня самокритики. С себя надо начинать, Михаил. Каждому - с себя.

- А я критикую, - обижаюсь я. - Критикую и себя. И на собрании. Я не из боязливых.

- Не о том говорю, - взмахнул рукой Писатель. - Признания ошибок мало. Надо практически исправлять недоработки, конкретно самому участвовать. Конструктивно, так сказать, предложения вносить. А ведь на собрании отделываешься общими словами: "Подтянем дисциплину... оживим соревнование... позаботимся о повышении престижности нашей профессии ..." Как же конкретно эти все благие пожелания в жизнь претворять? Многие прежние методы не годятся, заскорузли, надоели, разработаны в далекие времена, и для другого уровня людей. А новых пока нет.

- А где я их возьму, новые?

- Где... Сам придумай, у других перенимай. Не могу посоветовать, но станешь искать, найдешь обязательно. Эти слова я и себе говорю тоже. Застойные явления у нас во многих делах. Ряской болотной затянулись, попривыкли. К злу рутины привыкли. Самая вредная привычка. По себе знаю. Ведь рутина часто ловко драпируется в привлекательные одежды традиций. А мы подчас видим этот маскарад, но лукаво принимаем за добро, ленясь искать новое, настоящее.

Прощаясь, Писатель с пристальной веселостью посмотрел на меня и сказал:

- Советую, Михаил, зеркальце всегда носить с собой. Вот в этом кармане, - похлопал себя по груди.

- Зачем? - удивился я.

-Время от времени вынимай и смотришь. И скажет тебе зеркальце самокритики: "Ты милей всех, спору нет. Но есть тебя умнее на свете люди, учись у них. А нужно - их учи, если сможешь".

9. НОВОСЕЛЫ

На бригадном собрании обсуждали социалистические обязательства. Волков зачитывал пункты обязательств. Каменщики рассеяно слушали. Женщины о чем-то оживленно шептались и хихикали. Слушая монотонное бормотание Волкова, я думал о том, что насчет рутины прав Писатель. Застоялись мы, обомшели, обленились думать. Вот и произносим до изжоги осточертевшие фразы, не вникая в их смысл. Очень похожи эти фразы на эту монолитную плиту перекрытия, что только уложена нами на новую квартиру. Что хорошо для бетонной плиты, плохо для живой мысли. Разучились мы говорить, разучились слушать друг друга. Как глухие. Может потому, что привыкли в те недавние времена больше "внимать" тем, кто присваивал себе право "вещать". А внимающему вроде и наплевать на все, знай "свой шесток". Пусть те, кто повыше, думают..." - говорил иной. А почему иной? И я так говаривал. А вон Туманов всегда еще уточнял: "Лошадь пусть думает, у нее голова большая," - и ржал, довольный расхожей остротой.

Зачитав "проект" соцдоговора, Волков облегченно вздохнул, сказал:

- Товарищи, кто... - не успел он закончить фразу, как Туманов поднял руку. Глядя на него, стали поднимать руки и другие.

- Туманов, куда ты тянешь руку? Еще обсудить надо, - укоризненно произнес Волков. Все смущенно опустили руки. - А раз ты такой активный, то и слово тебе первому. Говори.

- А че говорить-то, нечего мне... - засмущался Туманов, озираясь на товарищей. Но вот взъерошился воробьем и сказал с вызовом: - Че обсуждать? Не впервой... Голосуй - и все.

Слово попросил Шаргородцев. Говорил как всегда медленно, подбирая слова. Они ложились в сознание слушателей прочно, как камень в стену.

- Туманов тут советует: голосуй. А мне кажется - рано, надо сначала все продумать. Сколько раз мы голосовали за перестройку. И Туманов тоже... А обязательства принимаем старые, не перестроечные. Не годится это. Так только болтуны поступают. Мы всем народом договорились жить по-совести.

- А мы против, что ли? - выкрикнул Туманов.

- Не против, но трусим по обочинке, - продолжал Шаргородцев. - Мы, например, пишем каждый раз: работать без брака, высококачественно. Вроде и правильный пункт, но на деле формальный. Мы сами оцениваем качество своей работы. Самоконтроль, рабочая совесть - это хорошо. Но нужен и другой контроль.

- Какой еще? Тебе совести мало? - не унимался Туманов.

- Безликость нам мешает, товарищи, - пренебрегая Тумановым, продолжал Шаргородцев. - Дома строим, а кто в них жить будет, не знаем...

- Почему не знаем, люди будут жить, трудящиеся, - возразил я.

- Не о том я, - поморщился досадливо Шаргородцев. - Мыслю я о другом. Когда я был пацаном, лет десять мне было, брал меня отец в отхожий промысел с собой. Артель отец сбивал из своих деревенских, по селам ходили, дома ставили, баньки, колодцы рыли. Каждый - мастер на все руки. А я кашеварил. Так вот артельщики под доглядом хозяина будущего дома работали. Попробуй стропила скосить, паз небрежно проконопатить, сразу укорит хозяин или хозяйка, у той глаз острей. Исправить потребуют, а как же иначе? Правда, оплошку редко допускали, сами за тем следили. Словом, при такой работе и строитель и заказчик были с глазу на глаз, без посредников, И догляд хозяина не пугалом был, а стимулом для хорошей работы. Ведь у каждого настоящего мастера гордость профессиональная имеется. Она превыше денег, превыше всего. А мы кому в глаза смотрим? Всем трудящимся и никому конкретно. Дом строим и даже не знаем, кто в нем жить станет, новоселы не знали тех, кто строил. Обоюдная и вредная, по-моему, безликость получается.

- Ну и что ты предлагаешь? По селам ходить, баньки рубить? - с издевкой допытывался Туманов. Заводной этот человек Туманов. И окрики Волкова не действуют на него.

- Не баньки, Туманов, - Шаргородцев с минуту молчал, обдумывая ответ. - Не баньки... Надо сделать так, чтобы на каждый дом, с начала его закладки, был уже список его будущих жильцов. Чтобы каждый новосел знал даже номер своей квартиры, этаж. Пусть они приходят на стройку, работу нашу оценивают. А что? Глаз будущего хозяина квартиры поострее глаза прораба, или там члена комиссии народного контроля.

Предложение Шаргородцева мне понравилось. Да и другим оно показалось дельным. Если не кривить душой, такой контроль спокойной жизни нам не сулит. И - чувствую это - мелькает у всех мыслишка: а к чему нам лишние хлопоты? Поэтому и сочувственно слушают Марию. А она, подчеркивая фразы жестом руки, говорит:

- Я не боюсь: смотри мою работу, оценивай. Но я против такого вот контроля всех жильцов. Базар будет, не стройка! Я кирпич кладу, надрываюсь, а позади дамочка смотрит, да еще указывает. Так что ли?!

Бритва язык у этой Марии. Она нарочно "дамочку" подбросила. Аж тень прошла по лицам некоторых ребят: "Еще что!" Надо вмешаться, говорю:

- Про дамочку ты брось, Мария. Мы строим для таких вот как ты дамочек. Ты это сама хорошо знаешь без меня. Замечание такой именно дамочки совсем будет не лишнее. А насчет базара - зря. Никто нам не станет мешать. Встретаться будем с жильцами будущими организовано. Тут надо все отработать. Я согласен с тобой, Мария, привыкать нам придется к тому, чтобы на глазах у людей трудиться. Непривычно это, верно. Но, пожалуй, нужно для дела, для нас самих. Мы же все кричим: гласность! Общение с жильцами и станет такой гласностью!

Предложение Шаргородцева приняли, а мне поручили "все чин чином" оформить, согласовать. На это я потратил немало сил. Ей-ей, лучше десятка три кубов кирпича уложить.

Поддержал нас Шерстнев. Его хваткий ум сразу уловил пользу в таком предложении. А напору Шерстнева трудно противостоять. Вместе с ним мы убедили администрацию и профкомовцев судостроительного завода, исполком Совета, заранее составить список будущих жильцов строящегося дома.

Первые дни стройка, действительно, стала походить на базарчик, какие иной раз стихийно возникают возле магазинов, на бойких перекрестках. Люди подходили в течение всего дня, мешая работать. Они смотрели на дом, который скоро станет их жилищем, очагом. Они интересовались технологией, размерами квартир, расположением комнат. "А окна куда смотрят? А магазины здесь близко? Недалеко. И школа рядом, детишкам ходить близко..." Такое нашествие не входило в наши расчеты, а Мария злорадствовала: "А что я говорила? Хоть график приема выве-

шивай, как в солидной конторе". Правда, и сами жильцы, получив нужные сведения, перестали докучать, народ рабочий, понятливый. Теперь мы изредка встречались только с главами семей, или их доверенными.

Вот и сегодня пришел один такой.

- Скажите, это квартира номер пятьдесят?

Оглянувшись, в проеме дверей стоял седовласый мужчина в шляпе, в синем плаще. Он держал за руку парнишку лет шести, с любопытством таращившего глазенки на незнакомую обстановку.

- Вы извините, что мешаем. Да вот внук донял меня: "Покажи, дед, нашу новую квартиру".

Квартира под номером пятьдесят - четырех комнатная, просторная, с просторными же кухней, прихожей, ванной, всякими кладовками. В шестидесятые строили тесные квартиры - хрущевки, совмещениями увлекались. Бывало платяной шкаф на веревке через окно затаскивали. Прошло это поветрие. И еще ценная добавка - балкон-лоджия для каждой квартиры. Балкон, умно спроектированный, это полквартиры. У меня один каменщик просил: "Дайте мне комнату с балконом, квартиры не надо."

Доволен остался квартирой старик, даже прослезился. Говорит, о такой даже не мечтал.

- Что-то тебе большую квартиру дают? - заметил Шаргородцев. - Семья - семеро по лавкам?

- Десять нас, - отвечает. - Сын женат, внуки. Да еще мать невестки с нами. Целый колхоз.

Узнали, что старик - первостроитель города. Живет с семьей в собственном доме на берегу речки Силинки. Мимоходом я уловил с интересом, что особый сорт малины растет на участке старика. Пообещал он дать мне саженцы. И когда в ближайшее воскресенье пошел я к старику за малиной, то решил пригласить с собой двух моих юных практикантов. Пусть посмотрят, как живут люди, для которых они строят дом, как они выглядят, эти люди.

Повидал я на своем веку разных бараков, временок, развалин, сам в таких пожил всласть, как говорится, но дом ветерана, заложившего и строившего этот город на Амуре, меня поразил. Такие временки (домом называть неудобно) быстро сооружали

из досок, утепляли опилками, штукатурили снаружи и внутри, крыша толевая, плитка с обогревателем и железной трубой наружу - готов дом. Никто из хозяев таких домиков не думал долго жить в них. Но не зря говорят: временные здания - самые долговечные. Многие прожили в таких долгие десятилетия. А наш будущий новосел, назвавший себя Иваном Ивановичем, вот уже полвека обитает в халупе, непонятно как еще не развалившейся. В тесноте двадцати пяти метров ютится большая семья.

Почему же до сих пор ветеран первостроитель не получил жилье в капитальном доме, да на самой лучшей улице? Ведь заслужил. Не уважают ветеранов?

-Уважают. И награды имею. Тут другое, тут вроде сам виноват, - рассказывает старик. - Я в городе первый барак построил, потом первую больницу, пекарню, первый клуб, школу. Бригада моя плотницкая гремела. Это мы клич бросили о самозакреплении на стройке, пока город и завод не построим. Жил в бараке. Женился, домик вот этот сколотил на Силинке. Дети пошли. У меня сын, четыре дочери. Потом в городе дома кирпичные появились. Не просился сначала туда, думаю: "Поживу, людям в бараке хуже, теснее. И огород, признаться, держал. Семья-то большая. Корову завел. А потом хотел бросить свой грибком съеденный домишко, говорили мне: "Ты все же под крышей, Иван Иванович, а к нам вновь приезжих селить некуда. Ты коммунист, ты поймешь ситуацию. Потерпи годик другой..." Какой годик! Пятьдесят с гаком минуло... Я уже настаивать стал, а начальство пошло новое. Один даже сказал мне: "Вы, собственно, кто будете?" "Первостроитель, - говорю, ваш завод строил, потом на нем работал. Ваш я." - "Вы у нас уже пятнадцать лет не числитесь, товарищ, обращайтесь в собес". Сын пытался получить квартиру, ему: "Живешь пока, живи". Горком партии помог. Сам секретарь узнал, что я бедствую с жильем, вмешался. На очередь меня поставили. Вот и очередь дошла. Все как надо.

Пока мы беседовали с Иваном Ивановичем, мои пэтэушники Игорь и Федор перезнакомились с юными обитателями дома. Особенно много общего нашли они с внучками погодками, рослыми девицами, заканчивающими по сообщению Ивана Ивановича среднюю школу. Молодые люди о чем-то громко и весело спорили, потом Игорь играл на гитаре и пел модные пе-

сенки хрипловатым баском, а. девицы ему подпевали. Я накопал кустиков малины, собрался уходить, а ребята мои, переключившиеся с песен на волейбольную игру, крикнули мне:

- Мы остаемся, дядь Миш, ты иди!

И то. Пойду. На их месте остался бы сам...

Заметил, что после визита на Силинку оба мои парня работали старательнее, чище, заинтересованнее, особенно Игорь, явно до этого тяготившийся непривлекательной для него работой каменщика. Я прямо-таки ощущаю мысли молодого человека, старательно укладывающего кирпичи в стену. Он наверняка видит в своем воображении юных и старых обитателей домика на Силинке, ясноглазых и веселых как птицы двух сестриц. От его труда зависит как скоро сестрицы эти переселятся в этот новый дом.

И Федя ускорил темп. Но он меня меньше беспокоит. Федор станет каменщиком на всю жизнь. А вот перемены в Игоре меня радуют и обнадеживают. Пусть не на всю жизнь. Пусть свои десятка три домов построит, а потом занимайся журналистикой. Так бывает.

Еще недавно с трудом переносили мы (и я, конечно) визиты будущих владельцев дома. Мешали они нам и раздражали въедливыми вопросами. Уж больно непривычны для нас такие вопросы и советы. Но сглаживались острые углы, общение становилось более привычным. А потом и нужным для общего дела. Началось с того, что кирпич нам задержал с доставкой трест Стройкомплект. Узнали наши новоселы, пошли куда надо, расшевелили, доказали. И кирпич на стройке появился. Со сборным железобетоном помогли. Толкачи надежные из новоселов получились. Оно, конечно, надо, чтобы все шло по технологической карте, но не всегда пока, к сожалению, мы еще так умеем работать...

А потом даже инициативную группу создали сами новоселы. Субботники стали проводить. Иван Иванович восьмой десяток давно разменял, но хлопочет больше всех, вроде стал председателем новоселов. Раньше дом сдают - и только за благоустройство берутся. Тут наши новоселы заранее навели порядок на площадке. Не только мусором занимаются, сантехникам помогают, столярам, плотникам. А когда с тобой рядом хозяин квартиры работает, не станешь халтурить, какой бы ты не был

расхлябанный и равнодушный. И дверь пригонишь поплотнее, и форточка легко откроется, и батарея не скошена, и кран не течет.

Стараниями нашего профорга Волкова у ворот на стройплощадке поставили щит. На нем все расписано отчетливыми буквами и цифрами о доме, составе бригады. И полный список будущих квартиросъемщиков, как зовут жильцов наши коммунальщики. Еще график, на котором квартиры размечены клеточками. Заштрихуют квадратик красным карандашом, кладка закончена, перекрытия квартиры готовы. Идет, значит, отделка.

Не только новоселов, вообще горожан очень интересуют все эти сведения. Они часто останавливаются у щитов, читают, громко обсуждают. Прав Шаргородцев, назвавший новые взаимоотношения строителей и заказчиков-горожан новой формой гласности. Она устраняет безликость - родную сестру голубоглазой нехаевщины.

10 ЗАБЫТЫЙ ЗАВОД

- Мамынька моя! - запричитала Мария. - Бригадир, иди-ка сюда!

Мария издали показала мне половинки кирпича. Все понятно, опять щебенку вместо кирпича привезли. И когда это только все кончится! На дворе конец двенадцатой пятилетки, всюду шум о борьбе за качество, а керамики наши в открытую гонят брак: недожог, трещины, нестандарт, горбатые кирпичи. Я подхожу к Марии, беру из штабеля один за другим кирпичи. Бледные, почти недожженные, рассыпаются в руках. Попробовал расколоть кирпич на половинки молотком, весь в труху. Мука с таким камнем работать. Разве только на забутовку годится. Кирпич завезли вчера. Туманова я оставил принимать по его же просьбе. Туманов после того бригадного собрания в прогулах не замечен, старается взять на себя задание потяжелее. Ну что ж, это хорошо. Проясняется в башке у человека. Тут недавно жену его видел, на вопрос как Туманов, ответила: "Боюсь сгладить, но не пьет с той поры. Недели три злой как пес ходил, отвыкал от сивухи наверно, сейчас помягчел. На рыбалку стал ходить."

Спрашиваю Туманова, почему проворонил, не отправил заведомый брак обратно, оправдывается:

- А ночью че увидишь? Вроде ровный цвет, не разберешь. Ну я просмотрел, пусть, а они там, на заводе? Жульничают выходит?

- Там тоже Тумановы работают, - с ехидцей заметил Шаргородцев.

- Че - Туманов! Ну че Туманов? И чего ты ко мне все лезешь? - плачущим голосом зачастил Туманов. - Скажи ему, бригадир. Че пристаёт? Я успокаиваю Туманова, одергиваю Шаргородцева. Не любит он Туманова, но нельзя быть и несправедливым. Видит же Шаргородцев, что человек исправляется, тянется к исправлению, не бреди его душу.

Если в тот день поставить бы магнитофон, а потом передать запись кирпичникам, то много нелестных слов в свой адрес услышали от каменщиков. Норму, конечно, не выполнили. Многие кирпичи и на забутовку не годились, выбросить пришлось. Это на чистую-то территорию стройплощадки, руками новосе-

лов очищенную, прибранную... Иван Иванович сразу заметил непорядок, как только пришел в свои обычные часы на стройку.

- Брак? - шевельнул он носком башмака кучу половняка.

- В этом месяце третий раз мусор привозят, - подтвердил

я.

Мы присели возле нашего вагончика на скамью. Я стал жаловаться на плохое качество кирпича. Особенно плохим он стал за последнее десятилетие. Строители шумят, возмущаются, ставят вопрос, а никакого сдвига.

- Значит не так вопрос ставят, - рассудительно заметил Иван Иванович. - А что если нам - строителям и новоселам надеяться на кирпичный завод и узнать все на месте в чем дело, почему брак? Может им помощь какая нужна? А может ваши жалобы до них не доходят, и они думают, что кирпич-то хорош? Соберемся несколько человек и побываем на кирпичном заводе. От вас - ты, Шаргородцев, Волков, я своих подберу, поавторитетнее которые. Еще друга своего давнего и наставника всех городских кирпичников Ивана Дмитриевича Кондратенко возьмем с собой. Он точный поставит диагноз.

- А вдруг скажут: что за комиссия? - засомневался я.

- Ты - депутат горсовета? Так. Я еще двух депутатов из новоселов приглашу. Волков - член городского комитета народного контроля. И дело-то наше. Ты же сам говоришь: я коммунист и мне до всего есть дело.

И вот наша самодеятельная комиссия шагает на кирпичный

завод. Знакомая мне с детства дорога. Она идет возле Амура к кирпичному заводу, что расположен у озера Мылки и глубокой амурской проточки. Здесь, на излучине, река миллионы лет намывала глины, годные для кирпича. Здесь и завод приткнули в первые годы строительства города. Здесь, в барачном поселке кирпичников, и прошло мое детство. Учился в поселковой школе-бараке, бегал в кино в поселковый клуб, тоже барак. Мать работала садчицей кирпича. Мы, мальчишки, часто бывали в цехе завода и досконально знали весь технологический процесс производства кирпича, отработанный еще тысячи лет назад нашими предками. Только голые ступни кирпичников, месившие скользкую глину, заменила несложная машина, естественную сушку на ветерке - камера, согреваемая дровами или углем, яму для обжига - кольцевая печь, изобретенная

немцем Гофманом.

Нас у матери пятеро, мал мала меньше. Карточки... Голодали люто. До сих пор сохранилось во мне это тягучее чувство болезненного многолетнего шершавого как гадина голода. Нет, нет и донесет из прошлого память это жуткое чувство. Но сегодня помнится не это. Вот иду по знакомой дороге, превратившейся ныне в улицу города, и вспоминается больше хорошее: школа, милые наши учителя, рыбалка на утренней заре, когда сидишь с бьющимся от счастья сердцем с удочкой на берегу. Кривой протоки; вспоминается первая крепкая мальчишеская дружба и драка за товарища с его обидчиком; вспоминается лукавый и такой зовущий взгляд девчушки одноклассницы, вполне могущей стать со мною рядом на всю жизнь... Вспоминаются посиделки на барачном крылечке, когда солдатские жены и вдовы усаживаются в редкий свободный летний вечер на ступеньках и тихо поют песни. Особенно любили они петь "Кирпичики". До сих пор не могу понять ярости официальных критиков, унижительно отзывающихся об этой непритязательной народной песне. Слова песни, кстати, написанные в двадцатых годах работницей кирпичного завода, прочно укладываются в память, словно пословицы: "И по винтику, по кирпичику, растащили весь этот завод..." Эта строчка стала крылатой и ее любили применять ораторы 30-х годов. "За веселый шум, за кирпичики, полюбила я этот завод..."

Чем ближе мы подходили, тем большее чувство вины я испытывал перед этим заводом, разместившим свои закопченные покосившиеся от времени цехи на клочке земли, окруженной с трех сторон водой. Уже много лет я не бывал здесь. Все вроде ни к чему. А ведь завод этот, как мог, согревал мое бедное детство. Жизнь сотен взрослых и детей была тесно связана с "кирпичиками". И все мы, взрослые и дети, с одинаковым чувством радости и гордости провожали очередной эшелон платформ, увозящих по узкоколейке в город еще сохранившие тепло обжига карминовые кирпичи. Мы знали, что из них построят новые дома и школы, новые заводские цехи.

В те годы город был еще далеко от завода, почти не виден за лесом. А ныне многоэтажные белые громады зданий шагнули к самым цехам кирпичного завода, начисто вытеснив убогие

бараки прежнего поселка. А барачные жители переселились в дома красавцы, и давно привыкли пользоваться лифтом и мусоропроводом.

Если бы не Иван Дмитриевич Кондратенко, то директор кирпичного завода (по счету, как нам сообщили, четвертый за последние два года) и разговаривать бы с нами не стал. Я приметил: чем скромнее предприятие, тем спесивее ведет себя его руководитель. Может этим он хочет компенсировать малость своего предприятия. Подтвердил ныне мое предположение и директор кирпичного завода. Он часик "выдержал" нас в приемной, а когда вошли в кабинет, проговорил, держась рукой за трубку телефона, не отвечая на приветствие:

- Что вы хотели? Кирпич частным лицам не отпускаем.

Выручил Кондратенко. Его имя оказалось было знакомо директору, и он смягчился, стал беседовать с нами. Нам скоро стало понятно, что этот еще молодой инженер, молодой директор, столкнувшись с кустарщиной, с отсталой техникой и технологией, расстроенной безответственностью, растерялся, не в состоянии справиться с проблемами. Тут еще коллектив зыбок, неустойчив, не имеет нужных, скрепляющих как цемент традиций трудовых, моральных, социальных.

Директор разрешил нам ознакомиться с производством и дал в проводники старшего мастера. Мастер, как оказалось, работал здесь еще в сороковых годах, когда тут директорствовал наш спутник Кондратенко. Лучших гидов нам и не нужно было. Оба наперебой вспоминали прошлое завода, высказывали свои рецепты поправки нынешнего прямо-таки бедственного положения завода. Главными аргументами тут были: первое - текучесть кадров; второе - крайне отсталая техника, к тому же крайне изношенная, латанная перелатанная местными умельцами. Ветхость всех зданий. Много ручного труда.

Выходит - кирпичный завод - самое слабое звено в строительном конвейере.

Мы в этом, как говорится, воочию убедились. Мрачный формовочный цех. Со станка, на котором лента глины режется на кирпичи, рабочие в фартуках снимают по паре и кладут влажные бруски на ленту транспортера. С транспортера руками же берут сырец-кирпич и укладывают на вагонетки для сушки... Всюду работа машин прерывается ручными операциями.

Я гляжу на все это и мне слышится успокоительное слово, доносящееся негромко из дальнего сырого темного угла:

"Нехай..."

- Мы в главк обращались по поводу комплексной механизации, рассказывает старший мастер. - Говорят: "Обойдетесь пока. Столько лет работали... Подождите, дойдет и до вас очередь". Вот и ждем...

Вагонетки с кирпичем люди толкают по рельсам в сушилку. Сухой кирпич-сырец высаживается в кольцевую обжиговую печь тоже вручную. Здесь, в пыльной утробе печи, кирпич побывает в нескольких руках, пока ляжет в затейливой кладке под обжиг. Садить кирпич - высокое искусство, и эту работу выполняют опытные садчики профессионалы. Правда, профессионалов, каким была моя мать когда-то, ныне заводу не хватает, ставят наспех обученных. А это ведет к браку.

В одном месте свод печи был подперт бревнами. Я спросил, зачем они?

- Это они дурость начальства подпирают, - сердито ответил за мастера Кондратенко. - Свод рушится, надо давно на ремонт печь ставить.

- Не разрешают из главка останавливать завод. Говорят: "Надо перебиться, кирпич нужен," - оправдывается мастер. А мне снова слышится "Нехай!..."

- Нам не только садчиков не хватает, - продолжает рассказ о заводских бедах старший мастер. - Нужны обжигальщики, формовщики, сушильщики. Да и вообще-то у нас сейчас сорок человек вольнонаемных, а остальные двести - солдаты стройбата. Ребята хорошие, но все они не больше года, а, в большинстве случаев, лишь полгода работают у нас. А чему за полгода учиться?: Работают по долгу, но не по душе, прямо вам скажу. А что вы от них хотите? Это вчерашние десятиклассники, студенты вузов техникумов, рабочие квалифицированные, на перwokлассных заводах работали. Может ракеты делали... И вот от станка с программным управлением, от робота, компьютера этот парень попадает под мрачные своды этой вот печи, построенной полвека назад, и ему говорят: "Вот кирпич, бери больше, неси дальше". Умом-то они понимают, что кирпич нужен городу, очень нужен. Они сами каждый день видят, как снабженцы чуть ли не дерутся ради лишней тысячи кирпичиков. А вот душа не

лежит к работе. А настоящий труд - это когда душа и ум в человеке едины. Тогда он горы свернет. Верно говорю, товарищи?

Ох, как верно ты говоришь, старый керамик!

Здесь, в обжиговой печи, я узнал из беседы мастера и Кондратенко истоки пренебрежения не только к этому, но и вообще ко всем кирпичным заводам. С широкомасштабным и подлинно революционным применением сборного железобетона в строительстве, ставшим возможным в частности и потому, что появился силач башенный кран, способный поднять любую тяжесть под облака, поблек интерес к кирпичу. Стеновая панель позволяла в сказочно короткий срок выкладывать дом любой этажности и вместимости. Некоторые кирпичные заводы даже прикрыли, а то и "перепрофилировали". Я сам читал в газете заметку "Завод меняет профессию". Речь шла о кирпичном заводе, в котором приспособились варить пиво и прохладительные составлять напитки. Правда, потом эта кампания с "кирича" на "пиво" прошла, но пренебрежение к древнему, веками испытанному строительному материалу - кирпичу - осталось. И стали работать заводы на износ, в ожидании, когда их совсем предадут анафеме.

Удивительное и печальное заблуждение! Дом, построенный из кирпича, - теплее панельного, прочнее. Это проверено тысячи раз. И теперь все больше строится домов и других зданий из кирпича, самого универсального строительного материала. Строй из него столбик садовой ограды, будку автобусной остановки, садовый домик, свиноферму. Что хочешь! Что только придумает мысль художника архитектора. И все из кирпича, изготовленного вот на этом заводе. Считай все здания города, вплотную подошедшие к стенам цехов кирпичного завода, сделаны из кирпичей, тут сформованных и обожженных. Заводик этот скромный, редко упоминаемый в печати, не говоря уж о телевидении, дал жизнь этому 300-тысячному городу, который заслуженно зовут индустриальным и культурным центром Дальнего Востока. Очень несправедливо, что город этот не придет на помощь заводу, не оснастит его самой совершенной техникой, позволяющей наконец расстаться с дедовской технологией.

- Знаете, какое у меня сравнение сейчас мелькнуло в голове, - улыбаясь, сказал Кондратенко, - Вот гляжу я на этот старый

завод и город. Мне представляется этакая старушка мать, согбенная, в темном платке, в старомодной кацавейке. И стоят перед нею белолицые краснощекие сыновья богатыри-молодцы - один к одному! Помочь бы матери хатку подлатать, да некогда. "Ты потерпи, мать, вот мы тут с делами управимся, заскочим, крышу перекроем. А пока ты тазы подставляй. Только не в горнице, на чердаке... Не можешь на чердак? Соседского мальчика попроси. Ну, бывай, мать! Держись! Ты у нас герой, мать!"

- Техника, кадры... согласен, - задумчиво говорил Иван Иванович. - Но ведь и раньше техника была не лучше, а кирпич крепче. Ты же сам говорил (мастеру), что вдвойне крепче. В чем дело?

- Делать такой, как раньше, кирпич, с устаревшей техникой и технологией - это на грани, если хотите, искусства - появлялся мастер. - Тут все держалось на многолетнем опыте и интуиции профессиональных мастеров обжига, формовки, сушки. От отцов и дедов перенимали они вековой опыт. Сейчас таких мастеров почти не стало. Я считаю, что дело можно поправить, только внедрив новую технику и обновленную технологию. Чтобы качественный кирпич мог изготовить любой грамотный рабочий, инженер, а не легендарный Левша. Надо построить новые цехи, оснастить их автоматикой, измерительной аппаратурой, вентиляцией. Может сырой способ исключить, на сухой перейти. Словом инженеров хороших привлечь к этому делу, не воляничиков сонных. Алмазы научились делать, а кирпич наверно сможем по-новому, не по-демидовски.

Мы все изложили, что увидели и что сочли нужным порекомендовать, чтобы кирпичникам помочь. С этой бумагой я и Иван Иванович попали на прием к председателю горисполкома, человеку молодому, нечванливому, искреннему. Он выслушал нас со вниманием и неподдельной хозяйской заинтересованностью. Пообещал помочь.

- Говорите: самодеятельность? Нам такой самодеятельности как раз не хватает, товарищи дорогие. Подзабыли, позабросили мы кирпичные заводы, то верно. И неразумно. Мы рубим сук, на котором держится большая часть жилищного строительства. Промышленность города в силах оказать действенную помощь кирпичникам на Мылках да и другим нашим заводам. На сессии вопрос поставим.

Мы верили председателю, что так и будет. Недавно он мэр города, но уже доказал: слову хозяин.

/

11. ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Летом в вагончик никого не затащишь, разве в дождь. Обедает бригада во дворе, вернее возле дома (дворов-то сейчас не стало), расположившись кто где: на куче теса, ящиках, а то и на травке. На обед - пятнадцать минут, остальные сорок пять - на отдых. Рукам и ногам отдых, а языку можно поработать, он, как известно, редко устает... Такие вот паузы обеденного отдыха наш Волков норовит заполнить полезным мероприятием: то лектора пригласит из "Знания" или вуза какого-нибудь, то викторину устроит "Знаете ли вы свой город?". По плану Волкова и сегодня кто-то должен был подойти, но не пришел.

- Ладно, мы сейчас "международный дневник" послушаем, - сказал наш профсоюзный вождь. Он вынес из вагончика поблескивающий никелем магнитофон, недавно им приобретенный, предмет его последнего увлечения. Пошелкал клавишами, магнитофон заговорил о международных делах. Каждый раз, когда я слушаю информации на темы международной политики, сердце начинает щемить, и одолевает тебя негодование, что есть люди, желающие войны. Я много думаю над этим извращением нормального человеческого поведения и не могу понять причин его. Диктор сообщил о готовящемся в Неваде испытании очередного ядерного заряда, о протестах людей разных стран против политики империалистов. Говорит о забастовках, о том, что в многострадальном Бейруте опять взорвали машину с динамитом на людной улице...

Щелчок клавиши и послышался знакомый голос певицы... Ну Аллу Пугачеву ни с кем не спутаешь. "Когда я буду бабушкой..." Певица пела о внуках грядущих, о любви к ним, о радости, что внуки будут так похожи на нее характером. А у меня внуки?.. А что, уже не так уж долго ждать тебе, Михаил Куликов внуков. - Опять Пугачева, - недовольно проворчала Мария. - Радио включишь - Пугачева, телевизор - она, в кино пойдешь - и там Пугачева. Леонтьев еще мельтешит...

Ну, тетя Маша, ты зря на Пугачеву, вступился Волков. - Пугачеву и за границей признают. В США, ее суперзвездой называют.

- Леонтьев кривляется чересчур, - вступил в разговор Туманов.

- А ты споешь как Леонтьев? - уколола Галина. - Нет? Ну вот, а критикуешь. Талант у людей.

Мне нравится, как поет Пугачева. К Леонтьеву я равнодушен, но он меня не раздражает, как некоторых моих сверстников. Молодежи нравится, значит нужен такой певец и такие песни.

- "Кривляется" говорите? А посмотрите известность какая у этих певцов, - заговорил молчавший до сих пор Игорь. - Концерты, пластинки, кинофильмы, зарубежные гастроли. Успех! Поклонники. Целые клубы поклонников у Аллы Пугачевой, например. В "Собеседнике" читал.

- А ты завидуешь? - неуместно осведомился Туманов.

- Завидовать можно тому, с кем потягаться можно, - ответил хладнокровно Игорь. - Профиль у нас разный...

- Завидуешь, - не унимался Туманов. - Вижу тебя: в интеллектуалах лезешь. Рабочим не хочешь быть, интеллигентом.

- Интеллигентом может быть и рабочий. Должен им быть, Туманов, - вмешиваюсь в спор. - Завидовать не всегда плохо. Есть черная зависть, она разрушает доброе дело. А есть зависть хорошая, она побуждает человека подражать добру и делать добро. А что хорошего, если равнодушно смотреть на мир.

- А завидовать певцу я бы не стал, - продолжал я развивать свою мысль. - Переходяща и коротка его слава, как сама песня. Да и по возрасту взять: к сорока годам, а то и раньше, бросает петь певец.

Природа не позволяет. А наша каменщиков слава? Вот она, какой домище отгрохали, посмотришь, шапка валится. Дом - очаг - семья - государство. Прочно все, вечно, непреходяще, нужное, нужнее всего. Будет очаг, будет песня.

- Вот говорят: талант. А ведь строить дом тоже надо иметь талант, - ни к кому не обращаясь, промолвил Шаргородцев. - Значит и каменщик должен быть людям известен. В газете о нем сказать, в телепередаче, по радио.

- Передают, печатают, - сказала Галина.

- Передают, но как-то усредненно. Взять певцов. Пугачева, Леонтьев, Ротару... мои дочки все уши прожужжали этими именами, и другие есть. А кто знает имена лучших мастеров каменной кладки в нашем городе? Даже мы не знаем, не то, чтоб наши дети. Выходит - безликость виновата.

- Ты хотел, чтобы твой портрет на плакате, да с надписью: "Лучший каменщик города юности. Просим любить и жаловать!" - с иронией предположил Туманов.

- А ты бы против? - повернулся к нему Шаргородцев.

- Ну... если по правде...

Ребята рассмеялись. А Шаргородцев продолжил:

-В любом кинофильме пишут: кто режиссер- постановщик, кто сценарист, кто роли играет. Не забывают даже гримеров, тех, кто ленты клеит, озвучивает. Уважение к труду проявляется. А мы вот дом построили. Сотни людей станут здесь жить. Для них он станет родным, отчим домом, отсюда в жизнь многие выйдут. А кто из них будет знать о нас, строивших этот дом? Никто. Выходит, дом словно гриб из под земли вырос.

- Нарушается принцип социальной справедливости, - ввернул Волков новое слово. - Одному почет, слава, известность, другому, как наш уважаемый товарищ Шаргородцев любит говорить, - безликость. А ведь мы говорим: ничто и никто не должен быть позабыт. Относится оно, правило это, не только, по моему, к минувшей войне. Годится для любого времени.

Как всегда красиво выражается наш профорг. И я согласен с ним. Нельзя обезличивать труд человека, усреднять его успехи, уравнивать. А ведь есть кое у кого такое стремление уравнивать все: мужчину и женщину, каменщика и наклейщика афиш, инженера и страхагента. Усреднялись передовые рабочие и сачки, живущие за счет "выводиловки". А почему? Да середняки спокойнее, покладистее для руководителя иного, в кресло пнем выросшего. У середняка безликого и авторитет послабже и менее зубаст он, не укусит, стало быть, хлопот с ним поменьше. Конкретное дело человека отрывалось от него. Прав Шаргородцев. Надо, чтобы люди знали, кто строил для них вот этот, к примеру, дом. Я высказал ребятам все эти мои мысли, и вот еще что предложил:

-Когда я только начинал учиться каменщицкому делу, побывал на одном митинге. Присваивали новой улице имя Щеглова, лучшего в те годы каменщика, бригадира. Так вот на одном из домов этой улицы установили доску, а на ней написали имена всех членов бригады Щеглова. Мы, строители, все гордились почетной славой своих товарищей, как своей. А что если

мы внесем предложение ставить такую памятную доску на каждый сделанный нами дом. Конечно, если он получит хорошую оценку госкомиссии.

Предложение всем пришлось по душе. Посыпались уточнения и соображения:

- Стальную надо доску...

- Отникелировать.

- Лучше из бронзы. - голос Федора.

- "Мне наплевать на бронзы многопудье..." - процитировал Волков любимого поэта. - А что? Бронза - звучит!

- А что, ребята, красиво будет выглядеть на бронзе: "Жаркова Галина Ивановна". Раньше такие таблички врачи на дверях своих квартир прикрепляли. Я в Москве видела такую.

- От чего будете лечить, Галина Ивановна? - ухватившись за слова Галины, взгоготнул Туманов.

- От алкоголизма, товарищ Туманов...

Прошла неделя после этой беседы. Предложение о памятной доске приняли в партбюро и профкоме. Шерстнев поднял обе руки, сказав: "Я решительно за. Полезную вещь вы придумали". Доску изготовили в мастерской. Я ее еще не видел, но Волков говорил, что здорово получилось. Хоть на здание министерства крепи.

Утро, о котором думалось не раз, наступило. Теплое, солнечное июньское. Ни ветерка, что бывает очень редко на берегу Амура. Река гладкая как стекло. В водах отражаются зеленые правобережные сопки, железнодорожный мост, черной чертой перечеркнувший вдаль Амур. Тихо на площади перед домом. Он стоит, стремительно унося к голубому небу все свои этажи, сверкая на солнце сотнями чисто промытых окон. Чуть слышится гул моторов. Это монтажники последний раз испытывают ход подъемных лифтов. Сегодня эту площадь у дома, усталенную белыми плитами, заполняют веселым табором новоселы. Работники домоуправления пришли сюда ни свет ни заря, ходят, звеня ключами от квартир. Я вошел в вестибюль, задумал прокатиться на лифте. Меня строго остановил домоуправленец:

- Вы куда, товарищ? Здесь нельзя посторонним.

Вот те раз! Уже стал посторонним. Дом, труд мой, отчужден от меня, от моего имени. Ну ведь такое не впервой. Почему же сегодня меня так больно кольнула в сердце обида? Может

быть потому, что впервые задумался над этой несправедливостью, как говорит о том наш Вася Волков.

Все собрались в назначенное время приодетые, торжественные. Сегодня нерабочая суббота, и поэтому пришли попозже восьми часов. Последним прибежал запыхавшийся Волков. Он нес завернутую в тряпку прямоугольную памятную доску. Поднял ее высоко над головой и весело объявил:

- Вот она, бронза, ребята! Читайте, завидуйте!

Доска пошла по рукам. Люди читали свои имена, искусно вырезанные резцом гравера. И прямо-таки преображались, светлели их лица. Человек вроде прислушивался к чему-то сокровенному в своем существе, в сердце своем. Передали доску Федору. Он удивленно посмотрел на Волкова.

- Читай, читай, - поощрил профорг. - Твое имя, Игоря тоже проставлены. Заслужили.

- "Федор Митрофанович Клепцов", - вслух прочел Федор и зарделся от удовольствия. До этого мгновения никто в бригаде, кроме меня и Волкова, не знал и отчества и фамилии Федора. Да и Игоря тоже...

Попала доска в руки Туманова. Он молча пробежал список каменщиков, шевеля тонкими губами, дрогнувшим голосом спросил:

- А че меня тут нет? Забыли?

Вид у Туманова - вот, вот заплачет. Жалость шевельнулась в моем сердце. Волков с некоторым смущением пояснил:

- Не забыли, Туманов. По положению... нарушитель трудовой дисциплины...

- Понятно, - оборвал его Туманов, отдавая доску соседу.

- Исправишься, не допустишь прогулов, на следующем доме и твое имя появится, - обнадежил Волков.

Шерстнев сам принял участие в установке доски. Ее привинтили толстыми шурупами к стене, пониже номерного знака, так, чтобы можно было легко прочитать текст. Доска отливала золотом, чернели на ней разные буквы. Шерстнев отступил от стены и зачитал громко и отчетливо все наши имена.

Мы были рады и счастливы. Мы смеялись, наперебой говорили разное, но казавшееся нам то важным, то смешным из недавнего прошлого. Причем если разобраться, то в ином и приятного не было и веселого, а вот смех товарищей сейчас вызывает.

Ну, например, что смешного в том, что Волков чуть не отморозил уши, неосторожно решив показать выносливость. Долго ходил с распухшими багровыми мочками. А Федор чуть не вывалился с балкона третьего этажа, облокотившись на неприкрепленные перила. Смешным и забавным нам все это казалось потому, что все миновало, все позади, все мы преодолели, все мы сегодня здоровы и счастливы и празднуем победу.

А Шерстнев говорил о том, что русский народ всегда чтит своих мастеров и хранил в памяти своей их имена. И жалел, если какое имя не сохранилось в преданиях, как, например, имя строителя сказочного деревянного храма на острове Кижи. Он говорил, что имена знаменитых русских умельцев учат трудовому подвигу и искусству строить, внушают каждому мысль плодотворную: "И я так смогу".

Я слушал, смотрел на веселые воодушевленные лица моих товарищей и думал про себя: "Такое простое дело, как установка памятной доски, может превратиться в праздник. Почему мы иногда боимся таких праздников?"

- Вы бригадир Куликов? - спросил меня кто-то, тронув за плечо. Рядом со мной стояли два молодца в кожаных куртках с разбойничьими черными бородами. Они держали в руках киноаппараты, какие-то ящики висели на ремнях через плечо. Один из "разбойников", не ожидая ответа, скомандовал:

- Тогда прошу вас поближе к стене, чтобы доска с именами видна была. Зовите всех своих поближе. Товарищи. Сюда, кучнее! Я сейчас начну снимать! А этот дедуся? Не ваш? Дедуся, пройдите в сторонку, я снимаю строителей. Кучнее... Тут и товарищ Шерстнев? Прошу в центр группы. Вот так!..

- Я их из телевидения пригласил, - шепнул мне Волков, видя, что я несколько растерян внезапным нашествием.

"Телевеки" снимали быстро, перестраивая нас, отыскивая эффектный кадр. Оператор попросил Марию сказать "несколько слов телезрителям о волнующем моменте". Он снимал ее крупным планом, а его товарищ держал у рта сконфуженной и ошатавленной Марии шишку микрофона.

- Что говорить-то, - терялась Мария.

- Что хотите. О доме, о жителях его, - подсказал журналист.

- Я очень счастлива, что тоже строила вот этими руками, - показала Мария свои крупные кисти, - этот красивый дом. Построили мы его на "хорошо".. Я хочу, чтобы над домом этим всегда было мирное небо. Чтобы люди счастливо и дружно жили в нем. Чтобы рождались здесь, в этом доме, здоровые и счастливые дети...

- Видишь, Мария, и ты на экран попала, как Пугачева, - пошутил Шаргородцев, когда съемку кончили.

Иди ты! - подтолкнула Шаргородцева, принимая шутку. А между тем к дому подкатывали разномастные грузовые и легковые машины, везя домашний скarb новоселов. Белокаменная площадка перед домом стала тесной от народа и машин.

Я наблюдаю за молодыми членами бригады: Федей и Игорем. Федя прямо-таки сиял. Да и с лица Игоря сошла всегда почти точно приклеенная полуулыбка, ироническая такая, словно Игорь хочет сказать: "Ну, ну, чем еще хотят меня удивить? Давай, давай..." Сегодня же парень вроде всем встревожен, вроде он почувствовал свою причастность к общему, такому хорошему делу. И надо бы ему, как и всем, гордиться этой причастностью в открытую, да неловко снимать маску скептицизма. Он, пожалуй, сейчас, в окружении счастливых товарищей, немного стыдится того, вчерашнего Игоря.

- Игорь, - вдруг затормозил товарища Федор. - Иван Иванович приехал! Девчата, вишь, зовут нас.

К подъезду пятился с открытым кузовом "КАМАЗ", направляемый взмахом руки Ивана Ивановича. И вот уже мои Федор и Игорь бережно принимают из рук по-сорочьи тараторящих внушек новосела цветы, зеркала, связки книг, узлы с одеждой. Младший внук Ивана Ивановича крепко придерживал брюхо флегматичного полосатого кота, которого первым пустят в квартиру для "счастья". Иван Иванович, заметив меня в толпе, подошел, крепко обнял, сказал дрогнувшим голосом:

- Спасибо, брат, тебе, дорогой Михаил Иванович. За дом спасибо.

- Не один делал... - скромничаю я, чувствуя, как горячая волна признательности за человеческую благодарность коснулись сердца.

- Не один, но ты - вожак, закоперщик, как в России говаривали в старину, - продолжал старик. - В твоём лице - всем

строителям большое спасибо. Слушай! - встрепенулся он. Я ведь не только квартиру получаю сегодня, но и дачу на живописном, как пишут в газетах, берегу Силинки. - И видя, что я не понимаю его, пояснил: - Домик-то мой мне горсовет оставил. Сказали: "Пользуйся, ветеран, как дачей, заслужил". А то было один из коммунхоза хотел домик-то бульдозером. Заявляет: "Ломать надо, по инструкции. Имеется такая."

Взяв с меня слово, что загляну в новую его квартиру, Иван Иванович ушел.

А ты, Антанас, что задумался? Литовец мой ходит меж людей, посматривает, словно хочет все услышанное и увиденное запомнить. Он в джинсах, в модной рубаше с надписями, цепочка золотеет на шее, на носу солнцезащитные очки-колеса. Увидев, что я остался один, Антанас подошел ко мне.

- Не совсем сегодня удобно, - заговорил он. - День не рабочий...

- Ну что ж из того. Ты что хотел? - поощрил я парня. Он вынул из заднего брючного кармана сложенную вчетверо бумажку, протянул.

- Вот, бегунок, Ваша подпись...

- Надумал-таки, - с сожалением предположил я.

- Да... Надо отдохнуть... - интонация голоса его ободрила меня.

- На сколько? - проверяю я догадку, боясь разочарования.

- Как положено, на месяц. На дорогу в Литву и обратно прибрoси.

Вот такой разговор произошел. И ничего особенного не сказали друг другу, и в то же время сказали многое. Не уедет совсем в родную Литву отличный каменщик Антанас Клипчас. Во всяком случае, он вернется. И построит в Комсомольске не один еще дом. А там видно будет... Человек должен всегда решать сам, но задачи перед ним должна ставить только честная жизнь, только высший учитель - труд полезный людям.

Лифт снует взад-вперед. Я поднимаюсь по лестнице. Я хочу еще раз побывать на крыше дома, еще раз взглянуть с него на город. На этот дом уже никогда больше не ступит моя нога. Мне больше нечего тут делать. Меня ждут другие дома, не построенные, существующие только на кальке чертежей. По лестнице вверх и вниз идут, бегут, мчатся взрослые, дети, осторожные в

поступи старики. То и дело приходится обходить, пережидать несущих вещи. Многоголосый людской говор, музыка, врубленная "на полную катушку" магов. Иные встречные меня узнают, шумно приветствуют. Приятно, честное слово! Вот она что значит гласность. Повстречался снова и тот коммунальник, что утром не пустил меня в лифт. Теперь он был приветлив, извинился:

- Не в курсе, оказался, так что прошу... Узнав, что я пробираюсь на крышу, он с готовностью выдал мне ключ от чердачной двери.

У самой двери меня догнал Вася Волков.

- Ну, дядя Миша, тебя не догонишь! - посмеивался Волков. - Как метеор! (Сравнил... С трудом одолел все этажи.) Мы выходим с Волковым на плоскую крышу дома. Над нами купол голубого без единого облачка неба. Здесь южный ветерок посвежей, чувствуется высота. Мы как замороженные глядим на раскинувшийся в безоглядной долине город. Кругом по горизонту - сопки, округлые, с щетинкой леса, зеленые вблизи, темно-синие и голубые вдали. На западной и северной сторонах виднеются заснеженные вершины Баджала и Мяо Чана. А город внизу живет полной жизнью. Катят автомашины, трамваи по его прямым улицам и проспектам, зеленеют сады, скверы и парки. И дома, дома, приметные здания дворцов культуры. Вон чаша стадиона, там вторая такая же. Ближе к Амуру - белое здание драматического театра. Театр я тоже строил. Спрашиваю:

- Ты на театре работал, Вася?

- А как же! Я только что демобилизовался. Мы еще с тобой на первом спектакле сидели в партере.

Я смотрю на город и думаю о том, как велик человек. Полвека назад вон у того памятного камня на берегу Амура высадился первый отряд комсомольцев-добровольцев. Разбили палатки. Потом провели митинг эти парни и девушки, на котором решили в короткий срок возвести на берегу реки город. И вот он живет этот чудесный город их мечты. Все полвека с лишним новые поколения строителей продолжают строить город. Хватит работы детям нашим и внукам. А что? Города никогда не застывают в росте.

Я смотрел на город и к радости в сердце примешивалась горечь. Вот уже много лет грозят нам из-за океана ядерной бом-

бой. На этот вот мой город где-то в штате нацелена тупорылая ракета. Нажмет какой-то недоумок кнопку и вырастет невиданный гриб над этими светлыми домами, и станут рушиться стены домов, построенных вот этими руками, и станут гореть люди, земляки мои, дети мои и внуки в адском пламени. Я не раз видел по телевизору порочные лица заокеанских генералов с садистскими ухмылками, разглагольствующих о звездных войнах. Очень они похожи, эти, с позволения сказать, люди на заурядных уголовников с нездоровой психикой. Такие вурдалаки у власти огромной страны...

- Мерзавцы! - говорю я вслух.

- Ты о чем, дядя Миша? - стрепенулся Волков. Я сказал, что меня мучает. Глаза Волкова потемнели, заходили желваки на скулах. Сказал сурово, как воин:

- Ну, у нас тоже есть чем... Служил, знаю... Также можем нажать.

- Кнопку-то мы нажать можем, правильно, - отвечаю Волкову, - есть у нас чем оборониться. Но не ракета все же наше главное оружие, дорогой Вася.

- А что же? - с веселым любопытством посмотрел на меня Волков.

- У нас есть самое мощное оружие - социализм. Сильнее нет на свете.

- Что ж, не спорю, - покосился на меня изучающе Волков. Но это все-таки, дядя Миша, теория, так сказать. Кнопка-то остается..?

- Кнопка-то остается, да только голова у того, кто тянется к той кнопке может под влиянием социализма думать начнет по-иному, - стал я пояснять Волкову свою мысль. - Хотя и кнопка тоже нужна. Я тебе для примера историю одну расскажу. Еще когда я в деревне жил, пацаном был, деревню нашу всю в страхе, как говорится, божьем, держал один местный хулиган. Здоровый был бугай, Коляном звали. Подвыпьет, пойдет Колян по деревне, все прячутся. Орет, ломается. С оглоблей за парнями увяжется, те врассыпную. Словом сильнее его не было никого в деревне, потому и наглед. Хмельной хвастается Колян: "Вот вы все где у меня! - и кулачище пудовое показывает. - Как хр-р-ясну! Вода побежит!" Однажды к отцу моему брат приехал из Кронштадта, матрос балтийский. На побывку. Действительную

служил. Сидим за столом, окно на улицу открыто. Слышим, шумит Колян, к очередному дебошу готовится, растревляет себя. Подошел к нашему окну, руки в боки, приказывает отцу: "Эй, Куликов, водки стакан". Отец наливать, а дядька отстранил его, и Коляну: "Ты, мразь, чтоб духу твоего тут не было!" Колян пасть разинул, на всю деревню ревет, грозит, жердь из ограды выломал, по окнам целит вдарить. Выбежал тогда дядька, врезал Коляну, куда он, куда жердь. Поднялся, быком на матроса, тот снова по скуле. Наверно никто не бил еще так Коляна. Дошло дело - встать не мог. - "Ну, как, хватит, или еще? - "Будя!" - чуть не плачет Колян. А народ стоит вокруг, смеется. Еле уполз Колян. С той поры перестал выкобеливаться. Такие, как Колян, только силу признают. Не так ли бывает и в мировой политике.

- Так, дядя Миша, - согласился Волков. - Ведь эти американские кнопчники настоящей войны не видели. Вот и похаживают по международной улице, помахивают кулаками. Сила есть, ума не надо. Таких только сила убеждает.

- Сила нужна, но все же социализм победит не бомбой, но мощью своей экономической, примером хорошей жизни для всех людей, - продолжаю я. - Последние годы мы больше говорили о преимуществах социализма, да мало делали. Твердили про неизбежность победы. Не по-хозяйски вели себя, как потребители. А из всех прав, я считаю, самое главное право дает рабочему человеку социализм - право хозяина.

- Разве мы не были хозяевами? Ты что-то не то говоришь, дядя Миша, - возразил Волков.

- Были, но как-то незаметно, на какое-то время разменяли права свои на медяки, - подбирал я слова, чтобы яснее выразить мысли меня беспокоившие, и самому разобраться во всем. - Сдаешь, например, в меняльную кассу пятерку, а тебе дают ровненькие такие как один трехкопеечные монетки. Сумма та же, а форма иная. Выходило, и были права и не в полной мере. Медяки усреднили всех под один ранжир. Усыпляли. Видел, как гипнотезер на сцене действует. Усадит зрителя и водит руками, приговаривает: "Расслабьтесь..., вы чувствуете себя счастливым... вы засыпаете..." Вот так и нас усыпляли, присвоившие право "вещать". А что из этого получилось, сам знаешь.

- Нехаевщина голову подняла... - задумчиво произносит Волков. - Но время вещателей прошло, кончилось, дядя Миша!

- Не совсем, Вася. Вещатели корешки глубокие пустили, выдирать придется, пусть мелкие они, но вредные своей мелко-стью. Делать надо это всем народом. В святом этом деле на первом месте рабочий человек, а значит и наше тут место. Мы хозяева жизни. Всегда, когда стране нашей приходилось преодолевать очередной трудный рубеж на первом месте кто был? Рабочий. В революцию, в гражданскую войну, в годы восстановительного периода, коллективизации, индустриализации. Был рабочий главной силой - и остается - в пятилетках наших. Рабочие предложили ударные бригады, встречные планы. Из рабочей среды вышел Алексей Стаханов, поломавший за одну ночь усредненность, безликость, уравниловку, ленивую неторопливость. Настоящий хозяин Стаханов! Показал всем, как надо работать на себя, на народ. Так и нам работать сейчас. А то, что получалось иногда? Читаешь в газетах: там за рубежом нас обо-гнали, здесь в технике обошли. А иной капиталист у нас слизывает что-то хорошее, нашими придуманное, у себя внедряет, да еще нам же продает за валюту. А у нас это хорошее все в бумажках плавает. Знаешь, как обидно такое! Ведь полвека назад мы, советские рабочие, мировые рекорды трудовые ставили, нос капиталистам утирали, будь здоров! А сейчас в хвосте?.. Кон-чать надо отставать, впереди всех надо быть.

- А мы и будем впереди, - подхватил Волков. - Будем строить свой государственный дом.

- А дом этот у нас крепкой кладки, - говорю я. - На прочном фундаменте наш державный дом. Сам Ленин его заклады-вал. Нам его достраивать.

- Нам строить, нам жить! - заключил Вася Волков, в порыве душевном сжимая мою руку.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Ступени.....	5
2. Нехаевщина.....	14
3. Если откровенно	21
4. Бригадное вече.....	27
5. Мы и наши дети.....	35
6. Престиж настоящего дела.....	47
7. Сор из избы	60
8. Кому ловить тигра?.....	69
9. Новоселы	78
10 Забытый завод.....	85
11. Под открытым небом	93

